

АФГАНИСТАН НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

§ 1. Палеоэкономика и палеодемография

Вышеприведенный обзор археологических материалов и наблюдений дает возможность наметить историческое место Афганистана в системе Древнего Востока. Имеющиеся материалы, хотя далеко не полные, позволяют оценить материальную культуру и определить общие контуры исторических процессов, протекавших в Афганистане во II — начале I тысячелетия до н. э. Думается, что и при современном состоянии изучения прошлого страны уже можно поставить и частично решить вопросы палеоэкономики, палеодемографии, общественного строя, сложения городской цивилизации, а также истории этноса и языковой принадлежности. Естественно, что даже для частичного решения многих из этих вопросов чисто археологических материалов и наблюдений явно недостаточно, поэтому привлекаются, с одной стороны, сравнительные материалы Месопотамии, а с другой — этнографические параллели. Подобная методика исследования оправдана тем, что Афганистан находился в тесных связях со смежными областями (в первую очередь Туркменистаном и Ираком) и в целом со всем древневосточным миром, что определяет необходимость привлечения археологических материалов с этих территорий.

Палеоэкономика и палеодемография могут быть рассмотрены в основном на материалах Северного Афганистана и в первую очередь Дашлинского оазиса. Именно этот конкретный микрорайон позволяет хотя и с относительной степенью достоверности, но поставить проблему во всем ее многообразии. Наличие отдельных групп разновременных памятников свидетельствует не только о перемещении орошаемых земель, но и о динамике жизни изучаемого конкретного региона в целом.

Древний ландшафт этого оазиса может быть реконструирован на основе палеоботанических данных и в первую очередь определения углей

с разновременных памятников. В этом отношении показательны древесные остатки, происходящие с поселений от эпохи поздней бронзы до ахеменидского времени, где устойчиво обнаруживаются следующие породы: тополь, можжевельник, ива, ясень, вяз, тамариск и в меньшей степени — саксаул. Налицо типично тугайная растительность, характерная для постоянных водотоков, в особенности для дельтовых протоков; наличие саксаула вместе с тем указывает на существование в ближайшем окружении песков. Как видно, первые колонисты застали здесь достаточно благоприятные экологические условия для ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства.

В этом плане показательна схема древней оросительной системы, предположительно реконструируемой по данным микрорельефа и топографии памятников Дашлинского оазиса. Судя по этим наблюдениям, основные водотоки шли с юго-востока на северо-запад, заканчиваясь небольшими дельтовыми веерами, на которых располагались древние поселения. Одно такое русло четко прослеживается на участке между поселениями Дашлы-19 и Дашлы-21, а заложенная поперечная траншея позволила установить, что ширина русла местами доходила до 22 м, при максимальной глубине около 2 м.

Линза русла оказалась заполненной сплошным надувным песком, ниже которого идут ровные горизонтальные прослойки тонкоотмученной глины явно аллювиального характера. Материк, в котором древнее русло разработало свое ложе, представляет собой сильно спрессованный и частично отакыренный песок. Судя по большим размерам ширины ложа и отлогим берегам, думается, что траншея выявила не древний канал, а русло реки, возможно один из основных отводов р. Балхаб. Все это не исключает наличия небольших каналов, которые могли отводить воду из таких русел на близлежащие поля. Осталось заметить, что вдоль правого берега этого участка бывлой реки располагается огромный могиль-

ник поселения Дашлы-19, который свидетельствует о постепенном затухании русла к последним столетиям II тысячелетия до н. э.

Основными злаками были ячмень и пшеница; зерна карликовой пшеницы встречены на Дашлы-3, а также на юге Афганистана — в Мундигаке¹, являясь вместе с тем характерным видом пшениц для ирано-афганского центра вообще².

Основным пахотным орудием, скорее всего, являлась соха, однако в подобных целях могли

ношения встреченных при раскопках костей животных, можно утверждать, что мелкий рогатый скот, видимо, составлял основу скотоводства. (На это же могут указывать вышеотмеченные ритуальные захоронения баранов.) Вместе с тем нет основания полностью исключать охоту (о чем свидетельствуют черепа диких кабанов), а также рыболовство — кости рыб также встречены при раскопках, что и неудивительно, если вспомнить тугайный ландшафт, окружавший древних жителей.

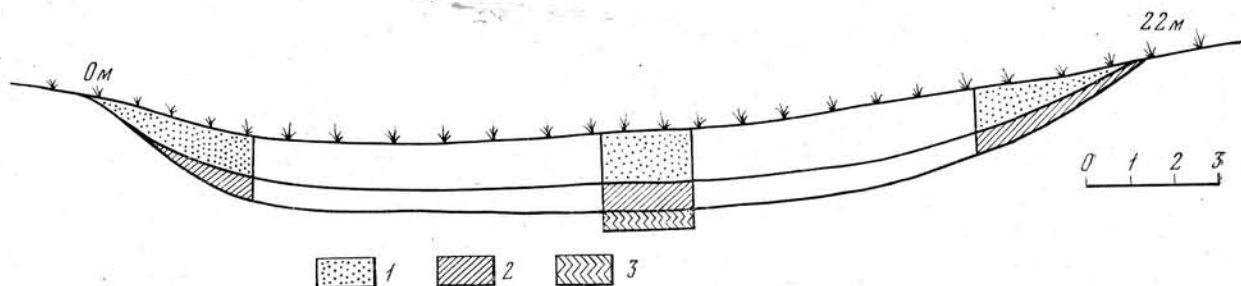

Рис. 62. Разрез древнего русла у поселения Дашлы-19
1 — надувной песок; 2 — глинистые прослои от аллювиальных натеков; 3 — материк

использоваться наконечники, изготовленные из рогов оленя и во множестве встреченные при раскопках всех дашлинских поселений; соединенные с деревянной рукояткой, такие орудия с успехом могли использоваться для мотыжной обработки земли. Хотя нет прямых фактов, указывающих на использование тягловой силы, общий уровень развития культуры настолько высок, что может вполне предполагать участие в пахотных работах быка, запряженного деревянной сохой³. Уборка урожая, кстати, самая трудоемкая из всего цикла сельскохозяйственных работ, производилась преимущественно бронзовыми зубчатыми серпами, закрепленными в деревянные ручки. Собранные колосья обмолачивались, видимо, тем же способом, что и сейчас, при помощи быков, которых прогоняют множество раз по току; обмолоченное таким способом зерно провеивают затем по ветру. Большое количество массивных каменных ступок и терок не оставляет сомнения в способе получения муки из зерна.

Хотя остеологическое определение костных остатков не проведено, однако, исходя из соот-

В настоящее время работами советских и зарубежных исследователей сделана попытка палеодемографической реконструкции древних обществ на материалах Передней и Средней Азии. При всей условности определения количественного состава населения отдельных поселков и даже групп поселений опыт подобного исследования представляется весьма перспективным, так как позволяет от абстрактных рассуждений перейти на почву реальных фактов, хотя и ориентировочных.

В отечественной литературе такая работа была проделана Г. Н. Лисицыной⁴ и В. М. Массоном⁵ на материалах Южного Туркменистана эпохи энеолита. В качестве объекта был выбран Геоксюрский оазис площадью около 400 км², составлявший в древности достаточно изолированную и экономически обособленную группу, состоящую из девяти поселений. Опираясь одними и теми же объектами исследования, оба автора приходят к достаточно разным результатам. Так, для столичного памятника Геоксюр-I при площади в 8 га Г. Н. Лисицына предполагает население в пределах 1000—1200 человек; для этого же памятника, но площадью 12 га В. М. Массон допускает много большее население, порядка 2000—3000 человек. Разница в подсчетах объясняется тем, что в одном случае в среднем на гектаре предполагается проживание 120—150

¹ Casal J. M. Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1961, t. XVII, v. I, p. 260.

² Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений.— «Труды по прикладной ботанике и селекции», т. XVI, вып. 2, М., 1925, с. 25—30.

³ Косвенным свидетельством может служить сцена пахоты на быках, изображенная на одном серебряном сосуде, происходящем из разграбленных могил Бактрии.

⁴ Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении.— МИА, 1965, № 128, с. 129, 141.

⁵ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, с. 319; он же. Поселение Джейтун.— МИА, 1971, № 180, с. 140—142.

человек, а в другом случае — 200—250 человек. Если принять во внимание последние цифры, то все население Геокюрского оазиса в пору наибольшего расцвета составляло 4000—5000 человек, т. е. в среднем 1000—1200 человек на 100 км².

На *переднеазиатских материалах* вопроса палеодемографии занимается целый ряд исследователей, среди которых Р. Брейдвуд, Ч. Рид, Р. Адамс.

Опираясь на большой и разносторонний материал, Р. Брейдвуд и Ч. Рид⁶ для долины р. Чемчемел в Иранском Курдистане предполагают население в 100 человек на 100 км², что близко совпадает с цифрами, предложенными для Геокюрского оазиса. Поскольку отмеченные авторы независимо путем пришли к близким выводам относительно плотности населения отдельных микрорайонов, то очевидно, что эти данные являются в настоящее время наиболее приемлемыми и могут быть использованы для демографических подсчетов других регионов Ближнего Востока, и в частности Бактрии.

Общая площадь Дашлинского оазиса эпохи бронзы составляла около 100 км², что предполагает население в 1000—1200 человек. Однако не следует забывать, что имеющиеся данные предпочтительно указывают не на одновременное, а, скорее, последовательное обживание оазиса, когда во второй период жизнь перемещается на юго-восток, где центральными становятся поселения Дашлы-7 и 8, около которых располагается огромная россыпь керамики на такырах, фиксирующая основную обжитую часть оазиса эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Для нашей темы особого интереса заслуживают исследования Р. Адамса, касающиеся группы памятников, расположенных в окрестностях Урука. Используя в качестве эталона современное арабское поселение или, точнее, городок Мадан, автор допускает плотность 200 человек на га, отмечая, однако, что обжитая его площадь разбросана вдоль водных магистралей, а сам городок сильно вытянут по горизонтали, так что при достаточно обширной общей границе отмечается довольно низкая плотность обживания⁷.

Учитывая сезонный характер проживания части жителей, а также «нежилую» площадь в системе городка, которую занимают различные общественные здания, автор приходит к выводу, что средняя плотность обживания

древних поселков должна составлять 100 человек на 1 га. Р. Адамс специально оговаривает, что и в таком случае это не более как грубое приближение, так как и в древности в городе и деревне существовала разная плотность застройки. В этой связи отметим, что Г. Франкфорт, исходя из средней плотности 160 человек на акр таких современных городов, как Алеппо и Дамаск, приходит к выводу, что в Уре, Телл-Асмаре и Хафадже плотность населения составляла 120—200 человек на один акр⁸, что, однако, было справедливо поставлено под сомнение И. М. Дьяконовым⁹ и Р. Адамсом¹⁰.

Если суммировать предлагаемые разными исследователями нормы плотности населения (чел. на 1 га) древних памятников Передней и Средней Азии, то они будут выглядеть так:

Г. Франкфорт	240—400	Г. Н. Лиспцы-на	120—150
В. М. Массон	200—250	Р. Адамс	100

Думается, что наиболее приемлемой является цифра в 150—200 человек на га, каковая и используется нами в последующем изложении применительно к афганским памятникам эпохи бронзы.

Как было показано выше, полностью раскопанным памятником здесь пока является небольшое поселение на Дашлы-3, сложившееся на руинах бывшего дворца. Особенно показательна планировка верхнего горизонта (площадь около 1600 м²), разделенная улочкой на две неравные части. Здесь нет ни общественных зданий, ни обширных площадей, так что все строения могут квалифицироваться как жилые и хозяйственные. Если исходить из средней плотности в 150—200 человек на 1 га, то на этом участке (строго ограниченном квадратом внешних стен) могли проживать 25—33 человека. Однако думается, что эта цифра должна быть несколько увеличена (до 40—45 человек) за счет установленного факта вторичного использования под хозяйственные нужды части бывших помещений внешних фасов дворца, что было отмечено выше.

Исходя из общего количества обитателей поселка, можно установить, сколько семей проживало на этой площади. По данным И. М. Дьяконова, в современных странах Востока средняя семья состоит из 4—5 человек, причем в целом аналогичный состав (в среднем 5,03 человека) семьи существовал и в Шумере¹¹, так

⁶ Работа этих авторов осталась мне недоступной. Сужу по: Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 141.

⁷ Adams R., Nissen H. The Uruk Countryside the Natural Setting of Urban Societies. Chicago, 1972, p. 28—30.

⁸ Frankfort H. Kingship and the Gods. Chicago, 1949, p. 396.

⁹ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, с. 21.

¹⁰ Adams R. Land Behind Baghdad. Chicago, 1965, p. 123—125.

¹¹ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 18—20.

что на рассматриваемом поселении Дашлинского оазиса могло проживать 8—9 семей. Поскольку земледелие занимало основное место в хозяйстве местных племен, имеется возможность определить общую обрабатываемую площадь земель и потребность в зерне. По Р. Адамсу, на каждого общинника в среднем приходилось 1,5 га пахотной земли¹², по несколько га на каждую семью предполагает И. М. Дьяконов¹³, что указывает на близкое совпадение расчетов.

Думается, что в конкретных условиях Дашлинского оазиса на человека в среднем приходилось менее 1 га земли, так что обрабатываемая площадь составляла 40—45 га. Считается, что урожай ячменя составлял 20—22 центнера с га, что в пересчете на общую площадь пахотных земель рассматриваемого поселка дает цифру около 80 тонн зерна. Делая поправку на разную урожайность, учитывая необходимость оставлять зерно для посевного фонда, а также что растительная пища составляла основной рацион, приходим к выводу, что и при этом получаемого зерна было вполне достаточно для местных общинников. Для сравнения привлечем данные норм потребления зерна для Шумера конца III—начала II тысячелетия до н. э. Имеется в виду система довольствия персонала царских и храмовых хозяйств Шумера, документально засвидетельствованная записями в табличках¹⁴. Обычная норма выдачи зерна в месяц составляла 60 сил для мужчин и 30 сил для женщин (соответственно 36 и 18 кг), что квалифицируется недостаточным¹⁵. Поскольку обитатели Дашлинского оазиса в массе оставались еще свободными общинниками, можно увеличить приведенные шумерийские нормы вдвое, из расчета потребления около тонны зерна в год на каждого человека, что было вполне достаточно.

Хотя все эти статистические выкладки не более как материалы для будущих исследований, тем не менее они весьма показательны для истории существования конкретного микрорайона. Уже отмечалось, что Дашлинский оазис на протяжении всего своего существования демонстрирует перемещение орошаемых земель в юго-восточном направлении. Если учесть, что поселок на Дашлы-3, скорее всего, фиксирует наиболее поздний этап обживания этой части оазиса, когда уже был заброшен

«круглый храм» и, возможно, Дашлы-1 и 2, то станет очевидным, что к этому времени воды здесь хватало для орошения не более 50—100 га. Учитывая вышеприведенные статистические данные, можно видеть, что для этой ранней группы оазиса водный дебет был уже явно недостаточен, вследствие чего центр жизни перемещается далее на юго-восток. Правда, эта, теперь уже краевая часть оазиса, частично была обжита и в последующее время вплоть до ахеменидского времени, однако количество памятников резко сокращается, а памятники середины I тысячелетия до н. э. обнаруживают ремесленную направленность, что особенно наглядно видно по Алтын-2 и 3, где гончарные печи занимают едва ли не большую часть памятников.

§ 2. Семья и общество

Семья и общество представляют едва ли не самый сложный объект исследования археологии. Не является в этом отношении исключением и Афганистан, где пока не найдены какие-либо письменные документы, которые могли бы внести ясность в эту проблему. Как правило, такие вопросы реконструируются на анализе планировок отдельных поселений, древних захоронений и некоторых других косвенных наблюдений, сделанных в ходе раскопок. Применительно к Афганистану имеются дополнительные свидетельства и в первую очередь памятники монументальной архитектуры, свидетельствующие об уровне развития местного общества во II тысячелетии до н. э. В этом плане заслуживают внимания раскопки монументального комплекса на Дашлы-3 и в особенности круглого здания, определяемого в качестве храма. Установление его общих размеров, планировки, внутренней архитектуры дает право сопоставить его с месопотамскими храмами, освещенными письменными данными хозяйственных табличек. Все это позволяет сравнить месопотамские и бактрийские храмовые общины, что до определенной степени помогает реконструировать социально-религиозную структуру последних.

Второй вид косвенных источников составляют этнографические параллели. К сожалению, этнография Афганистана исследована еще недостаточно полно, что заставляет обратиться к материалам смежных территорий, в особенности нагорной Грузии, что уже с успехом было сделано применительно к исследованию храмовых общин Малой Азии и Армении. Наконец, эволюция древней архитектуры VI—II тысячелетий до н. э., установленная для Южного Туркменистана, служит надежной базой для реконструкции семьи и общества других

¹² Adams R., Nissen H. The Uruk..., p. 32. Г. Франкфорт допускает, что для одного человека и даже небольшой семьи достаточно было 0,5 га см.: Frankfort H. Kingship..., p. 221.

¹³ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 83.

¹⁴ Тюменев А. И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 401.

¹⁵ Там же, с. 103, 413.

областей, населенных древнеземледельческими племенами.

В этом плане показательна структура рассматриваемых поселков и в первую очередь маленького поселения на Дашлы-3, где по обе стороны от улочки располагаются взаимосвязанные помещения, составляющие два достаточно изолированных, компактных жилых комплекса. Многокомнатная планировка обоих комплексов не является случайной, что находит свое частичное подтверждение на материалах раскопок Дашлы-1. Налицо закономерность, прослеживаемая на ряде памятников оазиса¹⁶, которые в конечном счете отражают характер семьи и общества исследуемых племен.

Прежде чем обратиться к североафганским материалам, отметим, что крупнейшей заслугой советских археологов является изучение памятников на широких площадях, что особенно четко прослеживается на примере исследования древних жилищ различных периодов памятников Южного Туркменистана. Многолетние планомерные раскопки здесь позволили наметить эволюцию домостроения в связи с развитием самого общества, так что в этом отношении крайний юго-запад Средней Азии изучен несравненно лучше, чем любой другой регион в системе всего Ближнего Востока.

Именно поэтому в качестве сравнительного материала нами привлекаются данные, полученные для древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана, где начиная с неолитического времени основу каждого поселка составляют однокомнатные дома¹⁷. Эта стандартная планировка четко повторяется на каждом из раскопанных памятников джейтунской культуры, демонстрируя закономерную линию развития древнейшей оседло-земледельческой архитектуры. Высказано вполне обоснованное предположение, что однокомнатные дома были населены парными семьями, включавшими 5—6 человек, так что именно индивидуальная семья составляла основу общества неолитического времени. Аналогичное явление происходит и в последующее энеолитическое время (в особенности в Геокюрском оазисе), так что лишь на поздних этапах этого периода наблюдается смена однокомнатных домов многокомнатными домами-массивами (Геокюр, Кара-Тепе).

В. М. Массону принадлежит большая заслуга в деле установления аналогичной закономерности смены однокомнатных домов многокомнатными в ряде областей Древнего Востока. Как оказалось, и здесь период однокомнатных домов (Хаджилар, Чатал-Гуюк, Хассу-

на, Гавра и др.) сменяется периодом многокомнатных домов (Таши-Бакун А, Сиалк и др.). На основании всех этих данных делается вывод, что у раннеземледельческих племен Древнего Востока в IV—III тысячелетиях до н. э. типичными были поселки, состоявшие из многокомнатных домов, в которых обитали большесемейные общины, ведущие общее хозяйство¹⁸.

Судя по среднеазиатским материалам, тип многокомнатного дома, сложившись в эпоху позднего энеолита, устойчиво продолжается и в последующий период — вплоть до эпохи раннего железа. Так, по материалам Алтын-Тепе как будто бы удалось установить, что многокомнатные массивы распадались на отдельные «квартиры», состоявшие в свою очередь из двух жилых и двух-трех хозяйственных помещений с примыкающим двориком. На этом основании делается вывод, что это уже могли быть жилища индивидуальных семей, «состоявшихся главной ячейкой общества, хотя и объединенных в дома-массивы, что является внешней пережиточной чертой большесемейных общин»¹⁹.

Алтын-Тепе, безусловно, столичный памятник, где процессы дифференциации древнего общества сравнительно с периферийными поселениями могли шагнуть далеко вперед²⁰, однако и в последующее время, вплоть до античности, все известные поселения Средней Азии демонстрируют существование больших семей, что является отличительным признаком развития общества на большей части Древнего Востока.

Исследование коллективных захоронений эпохи позднего энеолита в Геокюрском оазисе позволило обосновать тезис о существовании больших семей на антропологическом материале. Так, половозрастные характеристики погребенных в толосах указывают на назначение их в качестве семейных склепов. Документально установленный факт существования больших, в ряде случаев кровнородственных семей также представляет особый интерес для реконструкции семейно-брачных отношений не только Туркменистана, но и большей части Передней Азии III—II тысячелетий до н. э.²¹

¹⁸ Массон В. М. Средняя Азия..., с. 339.

¹⁹ Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии.— УСА, 1972, вып. 1, с. 9. Показательно, однако, что и в это время продолжают существовать коллективные гробницы, содержащие до 14 скелетов.

²⁰ Имеются сведения о наличии на этом памятнике отдельных домов знати площадью около 100 м² (См.: Массон В. М. Изучение слоев энеолита и бронзы на Алтын-Тепе.— АО 1974 г. М., 1975, с. 52).

²¹ Сарияниди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен.— УСА, 1972, вып. 1, с. 22—25.

¹⁶ Судя по микрорельефу, аналогичная застройка многокомнатными домами имела на Дашлы-4 и 9.

¹⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 104—105.

Как видно, закономерность, проявляющаяся в застройке поселков многоквартирными домами, прослеживаемая на Ближнем Востоке, отмечается и в Афганистане, где уже строения Мундигака-III представлены многоквартирными массивами, группирующимися вокруг внутренних дворов²².

Не менее показательна многоквартирная сплошная планировка поселений Бактрии (Дашлы-1, 3), в том числе ее северной части, как это наглядно видно на примере раскопок Сапалли-Тепе.

Эволюция от однокомнатных к многоквартирным домам демонстрирует и соответствующие изменения семейных ячеек — от индивидуально парной семьи к большим семьям. Уже Л. Морган отметил, что «состояние общества и семьи отражено в жилищной архитектуре»²³, что дает право, используя этот принцип, попытаться реконструировать и общество Афганистана эпохи бронзы. В этом плане наиболее перспективные наблюдения предоставляет планировка поселения, возникшего на руинах дворца Дашлы-3, где на уровне второго строительного горизонта складывается группа взаимосвязанных помещений жилого и хозяйственного назначения. Судя по раскопанному плану, это остатки строений двух больших семей. Со временем увеличение численности населения приводит к сложению следующего (не раннего) строительного горизонта, где планировка достаточно четко делится улицей на два многоквартирных дома. Думается, что каждый такой дом являлся местом проживания больших семей, состоявших в свою очередь из нескольких малых семей. В целом же здесь могли обитать две большие семьи, составлявшие вместе большесемейную общину, определяемую И. М. Дьяконовым как «коллектив, связанный общностью происхождения по отцовской линии, общностью хозяйственной жизни и земельного владения и включающий более чем одну семейно-брачную ячейку»²⁴.

Помимо шумерских табличек, существование подобного типа поселков документируется и большим этнографическим материалом. Так, например, у горных таджиков, сохранивших сильные пережитки родового строя, до недавнего времени существовали поселения, состоявшие из 7—8 домов, жители которых являлись кровными родственниками, проживавшими под одной крышей²⁵.

²² Casal J. M. Fouilles de Mundigak, v. II, fig. 14—15. Близкий тип застройки дает и Саид-Кала.

²³ Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, с. 45.

²⁴ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 66.

²⁵ Кисляков Н. А. Жилища горных таджиков бассейна реки Хингоу.— СЭ, 1933, вып. II, с. 151—153; Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у

Каждая такая большая семья включала в себя отпочковывающиеся малые семьи, не еще живущие вместе и продолжающие вести на первых порах совместное хозяйство²⁶. Как видно, большесемейная община, засвидетельствованная этнографией Средней Азии, уходит своими корнями в глубокую древность, что подтверждается данными раскопок поселений вплоть до эпохи позднего энеолита²⁷.

Большая семья (иначе большесемейная община, иногда домовая община) является основной хозяйственной единицей, начиная с периода разложения родового строя. Она еще слишком слаба, чтобы существовать и полнокровно функционировать в одиночку, и, как показывают письменные данные, обычно такая община входит в состав более крупного объединения составляя нередко соседскую общину.

Традиционно считалось, что большесемейную общину сменяет соседская (иначе сельская, территориальная и др.), однако работами советских исследователей установлено, что в странах Древнего Востока они не обязательно взаимоисключали, а, напротив, нередко сосуществовали друг с другом²⁸.

Думается, что близкую картину рисуют и материалы Северного Афганистана, где крохотные поселения, состоящие из 8—10 малых семей, сосуществуют с огромными по площади городищами, включающими в свой состав десятки и даже сотни таких семей. Очевидно, что во втором случае это преимущественно соседские общины, которые, если привлекать данные шумерской письменности, управляются уже не главой

горных таджиков Вахно-боло. М.—Л., 1936, с. 99—100.

²⁶ Бурхан-уд-дин-хан-и-Кушнеки. Каттаган и Бадахман. Ташкент, 1926, с. 140; Кисляков Н. А. История Каратегина, Дарваза и Бадахшана.— В кн.: Материалы по истории таджиков в Таджикистане. Душанбе, 1945, с. 73; Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин.— «Военный сборник», 1883, № 12, с. 303; Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, с. 13.

²⁷ Саруаниди В. И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений геоксюрского оазиса.— КСИА, 1962, вып. 91, с. 22—29; В. М. Массон относит появление большесемейных общин в Месопотамии к VI — началу V тысячелетия до н. э. (См.: Массон В. М. Средняя Азия..., с. 334).

²⁸ Дьяконов И. М. Общественный..., с. 81; Янковская Н. Б. Землевладение большесемейных родовых общин в клинописных источниках.— ВДИ, 1959, № 1, с. 48—50. И. М. Дьяконов допускает, что домашняя община являлась частью территориальной. (См.: Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.— ВДИ, 1968, № 3, с. 7. В других случаях отдельные семейно-общинные поселения сосуществовали с территориально-общинными поселениями. (Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.— В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 33).

рода, а собранием глав семей, составляющих общинное самоуправление. На чисто археологическом материале трудно определить с точностью, домовая или сельская община обитала на том или ином раскопанном поселении. Да это и не столь важно, если учесть, что они могли существовать. Суммируя имеющиеся факты и в первую очередь существование огромных по площади поселений в сочетании с дворцово-культурными комплексами, думается, что на первый план выступают уже соседские общины.

Соседская община, для которой типично сочетание индивидуальной и общинной собственности, — вот тот дуализм частного и общинного начала, который приводит к дальнейшему расчленению древнего общества, что видимо, было характерно и для Афганистана эпохи бронзы.

В этой связи уместно вспомнить индийскую готру — «совокупность лиц, ведущих свое происхождение по прямой линии от общего мужского предка», подробно рассмотренную А. Г. Периханян²⁹. По ее данным, индийская готра являлась общиной агнатов (включавшей до сотни и более больших семей), близких и дальних, связанных общностью занимаемой территории, культов и обрядов, организационным единством. Наряду с малыми могла существовать и большая готра, представляющая по сути дела крупную гражданскую общину³⁰. Установлена большая близость между иранским и индийским обществом в отношении сословного деления, что до определенной степени соотносится с вышеприведенными археологическими наблюдениями Бактрии эпохи бронзы.

В плане выяснения форм общественной жизни особое значение имеют монументальные сооружения Мундигака и Дашлы-3. Они демонстрируют высокий уровень общественного развития, что иллюстрируется материалами раскопанных зданий на Дашлы-3 и в особенности круглого храма.

В настоящее время лучше всего изучены храмы Месопотамии, где руины былых зданий, выявленные археологами, освещены письменными табличками, найденными внутри таких сооружений. Анализ табличек в совокупности с данными археологии позволил выявить общую линию сложения и развития храмов и храмового хозяйства³¹, что представляет исключительный интерес и для нашей темы.

В Месопотамии первые опыты кооперации коллективного труда общинников, как предполагают, были связаны в основном с ирригационными работами. Проведение каналов и устройство ирригационных систем вначале осуще-

ствлялось трудом свободных общинников, но затем, по мере разложения первобытнообщинного строя, постепенно вмнялось как общественная повинность³². Все это обуславливало приоритет общины и общинной собственности на орошенные земли. Номинальным собственником земли становится главное божество общины. Вообще же не было земли без бога и все земли общин считались собственностью божества (или отдельных богов местного пантеона)³³.

Это верховное право божества на землю создавало предпосылки для возникновения крупных организованных хозяйств, предназначенных для обслуживания храма божества и состоявшего при нем персонала. Предполагается, что уже вскоре вокруг сложившихся храмовых хозяйств группируется местная верхушка, которая использует приоритет общины для своих целей. Каждое храмовое хозяйство, помимо земли, владело рабочим скотом, инвентарем и другими средствами производства. Храмовые земли, особенно на первых порах, обрабатывались свободными общинниками, что не исключало сезонные повинности в пользу храма и со стороны других общинников, остававшихся вне храмовых хозяйств. По существу это была социально религиозная организация, где формально царил дух демократии (все члены храмового хозяйства были равны перед божеством)³⁴, но уже выделяется храмовая администрация, все более закабалявшая и эксплуатировавшая общинников, что в конце концов и приводит к становлению здесь государства³⁵.

Но первоначальной формой общинного хозяйства было храмовое хозяйство, администрация которого выступала в роли своего рода управляющего бога и на этом основании приисваивала всю исполнительную власть. Земля, являвшаяся собственностью общины, делилась на три части. Первую часть составляла земля (kur), поделенная как источник существования между членами общины (храмового персонала), которые ее и обрабатывали. В отдельных документах иногда такие земли имеют более точное обозначение как земли бога Наннар (gan Nanpar) главного бога — покровителя общины Ура, эти земли сдавались в обработку. Из этого факта А. И. Тюменев делает вывод, что непосредственно обработкой земли сами храмы не занимались — принадлежащие им земли сдавались в наем общинникам, за что получали с них плату зерном³⁶.

³² Там же, с. 32.

³³ Струве В. В. Община, храм, дворец. — ВДИ, 1963, № 3, с. 32—34.

³⁴ Frankfort H. Kingship..., p. 221.

³⁵ Тюменев А. И. Государственное хозяйство..., с. 33.

³⁶ Там же, с. с. 77—78.

²⁹ Периханян А. Г. Агнатические группы в Древнем Иране. — ВДИ, 1968, № 3, с. 28—40.

³⁰ Там же, с. 31—32.

³¹ Тюменев А. И. Государственное хозяйство...

Вторая часть (*niġenna*), нередко составлявшая четверть всей земли, принадлежала богу, так что весь урожай поступал исключительно в пользу храма и считался собственностью храма. Третью часть (*ugulal*) составляла земля, сдававшаяся в аренду индивидуальным лицам. Помимо того, ремесленники всех видов (профессиональные кузнецы, каменщики, садовники, пастухи и т. д.) были обязаны отработать положенное время для храма³⁷.

Во главе храмового сословия стоял жрец-сангу, причем уже для архива раннего Ура имеется табличка с упоминанием термина «лугаль-сангу», но не в смысле «царь», «а большой человек», «господин»³⁸. Судя по контексту документа, в нем идет речь о распределении большого количества ячменя, обозначенного как «зерно лугаля-сангу», так что звание сангу в основном связано с центральным управлением храмового хозяйства. Помимо него, имелись и другие должностные лица, в том числе нубанд и угула, возглавлявшие отдельные отрасли храмового хозяйства.

Из собственно храмового персонала в документах Ура упоминаются низшие жреческие должности — гадатели, заклинатели; кроме того, нередко встречается и рабочий персонал — земледельцы, садовники, виноградари, пастухи. Весь урожай поступал в распоряжение храмовой администрации во главе с сангу и распределялся для следующего посева, содержания рабочих быков и т. д.

Как видно, храмовое хозяйство играет ведущую роль в социальной и экономической жизни древнего общества. Налицо сложившийся административный аппарат, занимающий господствующее место в системе всего храмового хозяйства. Хотя процесс становления классового общества был близок к завершению, органы родового строя сохранили еще известное значение, и окончательное сложение государственной власти наступит в следующий, энциальный (царский) период истории древней Месопотамии.

Работами советских исследователей последних лет установлено, что ни в ранний период, ни в позднее время государство никогда не обладало собственностью на всю землю. Все ближневосточные общества III—II тысячелетий имели два отдельных сектора: храмовый (государственный) и общинный, частный, хотя в отдельных конкретных случаях количественное и качественное соотношение могло быть различно³⁹. По справедливому мнению И. М.

Дьяконова, существование «частного» сектора не означает «индивидуальный», так как в это время всякое частное хозяйство может существовать только в кооперации с себе подобными хозяйствами. Большие патриархальные семьи объединены в домашние общины и группируются в территориальные общины с коллективными органами управления (совет старейшин) — вот социальная структура частного сектора III—II тысячелетий до н. э. на Ближнем Востоке⁴⁰.

Оценивая место храмовых комплексов Афганистана и в особенности круглого храма на Дашлы-3, думается, что они больше всего соответствуют доэнциальному периоду храмовых хозяйств Месопотамии. Используя терминологию табличек, можно считать, что афганские храмы II тысячелетия до н. э. более всего соответствуют тому типу, когда вождь-жрец и его приближенные создают храмовое хозяйство, в котором еще работают в основном свободные общинники. Судя по месопотамским материалам, постепенно вождь-жрец (эн) уступает место главе государства со жреческими функциями (энси) и храмы становятся достоянием царя⁴¹, что, по-видимому, еще не произошло в Афганистане в рассматриваемое время.

Не доказано документально, но вероятно, что в дашлинском микрорегионе в эпоху бронзы и раннего железа происходило перемещение орошаемых земель, что само по себе исключает существование каких-либо крупных ирригационных сооружений⁴². Картографирование памятников также показывает, что они располагались, скорее всего, на окраинной, дельтовой части реки, что не требовало сложной ирригации, и орошение земель ограничивалось небольшими выводными арыками. Одним словом, нет веских оснований считать, что сооружения типа круглого храма складываются в Бактрии изначально в силу тех причин, которые постулируются для ранних месопотамских храмов. Кажется более вероятным предполагать, что первые обитатели оазиса принесли с собой (наряду с другими навыками) и традиции храмовых общин, существовавших на их бывшей родине.

Однако было бы неверно сводить все к простой традиции. Естественно думать, что обитатели оазиса принесли с собой и ту соци-

³⁷ Frankfort H. Kingship..., p. 221.

³⁸ Тюменев А. И. Государственное хозяйство..., с. 67—68.

³⁹ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности.— ВДИ, 1973, № 4, с. 4—8.

⁴⁰ Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 14.

⁴¹ Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей.— СА, 1963, № 1.

⁴² Выше отмечалось, что взаимное расположение памятников от эпохи бронзы до античности с бесспорностью указывает на перемещение орошаемых земель.

ально-религиозную систему, которая предполагала, в частности, устройство храмов. Ярким доказательством тому служат дворец и храм на Дашлы-3, не случайно расположенные рядом. Налицо безусловные свидетельства высокого уровня общественного развития местного населения, стоявшего на пороге сложения классового общества. Не исключено, что такое взаимное расположение указывает на тот этап развития, когда функции жреца и вождя совмещаются в одном лице (или группе лиц). В таком случае дворец мог являться светской резиденцией, а рядом расположенный храм — тем культовым центром, вокруг которого группировалась тесно связанная с ним община. Как бы то ни было, одно представляется несомненным, что и храм и дворец существовали за счет храмовых общинников, дома которых кольцом окружали центральную, культовую часть комплекса.

Показательно, что рассматривая проблему храмовых общин Малой Азии античного периода, А. Г. Периханян приходит к твердому убеждению, что и в это время святилища являлись не только культовым, но и организационно-административным центром общины, причем решениям совета нередко придавался характер божественного волеизъявления⁴³.

Опираясь на материал, освещенный письменными данными, и широко используя свидетельства античных источников, автор считает не только возможным, но и оправданным привлечение этнографических данных (в частности, храмов Грузии), что позволяет уяснить проблему в общем виде⁴⁴. Действительно материалы, собранные В. В. Бардавелидзе, представляют неоценимую помощь для реконструкции конкретного характера и внутренней организации храмовых общин деписьменного периода. Имеются в виду этнографические наблюдения, происходящие из нагорной части Восточной Грузии, где до самого последнего времени пережиточно сохранились храмовые общины, в которых организационный и культовый центры совпадали. Так, отмечается, что характерной чертой хевсурских общин было то, что в центре каждой находилось джвари — культовые и хозяйственные сооружения общинного божества, служившие центром светской и духовной власти⁴⁵. Эти древнегрузинские храмы обладали довольно богатым имуществом и землями, а обитатели их составляли своеобраз-

разную территориальную общину, называемую саклю⁴⁶.

Характерным признаком таких храмовых общин являлось наличие священной площади, вход куда был строго ограничен (вспомним замкнутую, как бы изолированную от внешнего мира центральную часть круглого храма на Дашлы-3). Вся земля считалась собственностью божества, воплощавшего единство общины; в свою очередь, земля (как в древнем Шумере!) делилась на собственно общинную и общинного божества. Поскольку собственником земли являлось божество, община выступает в качестве владелицы ее и выполняет определенные обязанности по отношению к общинному божеству⁴⁷.

Пахотные земли обрабатывались коллективно всеми членами общины-саклю, а урожай с определенных участков поступал исключительно для ритуальных церемоний; остальная часть зерна делилась поровну. Отдельные наделы земель отдавались в пользование в порядке очередности последовательно всем членам саклю; помимо того, практиковалась также сдача земли в наймы малоземельным членам общины. Интересно отметить, что в Картлии арендная плата в виде зерна сдавалась в святилище и затем употреблялась либо на приобретение инвентаря, либо (в большинстве случаев) шла на устройство общественных трапез⁴⁸.

Каждая община состояла из эрисганни — полноправных и активных членов, составлявших вооруженное население, и джавариони — пожизненных и временных жителей святилища, олицетворявших теократическую власть общины. Старейшина общины являлся в то же время и главным жрецом (вождь-жрец шумерских данных). Помимо него имелись простые жрецы.

В крупных общинах существовало несколько старейшин, но лишь один считался главным; власть его была практически неограниченной, но с санкции созываемого совета (дарбази). В качестве главного жреца он совершал все важные священные обряды и жертвоприношения. В его функцию входило наблюдение за сохранностью имущества, за сельскохозяйственными работами, обеспечение поступления податей⁴⁹.

Атрибутом власти был посох, а отличительным знаком — шейные серебряные украшения и нагрудный крест; особое место в храмовой

⁴⁶ Бардавелидзе В. В. Земельные владения древнегрузинских святилищ. — СЭ, 1949, № 1, с. 92.

⁴⁷ Бардавелидзе В. В. Система управления хевсурской общины. — «Сообщения АН Груз.ССР», т. XIII, № 10, 1952, с. 624. Автор отмечает, что хевсурские общины сближаются с древневосточными обществами по формам землевладения и хозяйственной жизни.

⁴⁸ Бардавелидзе В. В. Земельные владения..., с. 406.

⁴⁹ Бардавелидзе В. В. Система управления..., с. 627.

⁴³ Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, с. 173.

⁴⁴ Там же, с. 83.

⁴⁵ Бардавелидзе В. В. Хевсурская община. — «Сообщения АН Груз.ССР», 1952, т. XIII, № 8, с. 497. Автор прямо указывает, что хевсурские общины представляли собой тип древневосточных общин.

иерархии занимают прорицатели, которые предсказывают погоду, урожай и т. д. на особом лексиконе — языке богов. Кроме того, у главного старейшины имелись грозные помощники, следившие за работой общинников в поле, за поведением их дома, т. е. стоявшие на страже интересов храма, так что нерадивые или неблагожелательные члены общины могли подвергаться наказанию вплоть до умерщвления.

Если суммировать письменные данные Месопотамии III—II тысячелетий до н. э., Малой Азии и Армении поры развитой античности и, наконец, пережиточные этнографические наблюдения нагорной Грузии, то нетрудно заметить принципиальное сходство в главных признаках, характеризующих храмовые общины. Думается, что в общем виде не составляли исключения и храмы Афганистана эпохи бронзы, выступающие как социально-религиозные центры определенных микрорегионов. Вместе с тем ни в Мундигаке, ни в Дашлы-3 не найдены какие-либо хозяйственные документы отчетного характера, что не позволяет слишком уeloжнять социальную структуру исследуемого общества. Не исключено, конечно, что существовавшая отчетность осуществлялась за счет большого количества всякого рода надсмотрщиков и учетчиков, следивших за ведением храмового хозяйства в целом.

Если правильны вышеприведенные палеодемографические расчеты, то на всей площади круглого храма могло проживать 150—200 человек, преимущественно занятых земледелием⁵⁰, что, безусловно, требовало организации труда храмовых общинников. В этой связи можно вспомнить перегородчатые печати, отчасти, возможно, использовавшиеся для учета выданного и принятого инвентаря, зерна, словом, всего того, для чего в Месопотамии производились записи на глиняных табличках. И, может быть, не случайно мы встречаем по несколько оттисков на одной глиняной пробке (Шахри-Сохте): возможно, это метки разного ранга учетчиков одной и той же общины. Все сказанное отнюдь не исключает назначения печатей в качестве оберегов, знаков собственности большесемейных общинников, не связанных непосредственно с храмами. Точно так же печати с мифологическими изображениями (например, крылатые божества) могли являться знаками различного жреческого достоинства, наподобие

⁵⁰ О возможном существовании профессиональных ремесленников можно судить (помимо гончарного производства) по наличию на южной окраине круглого храма чрезвычайно большого количества великолепно ретушированных кремневых наконечников стрел. Все они происходят из одного места и, возможно, фиксируют мастерскую по изготовлению наконечников стрел для всех членов храмовой общины.

шейных украшений у вышеотмеченных старейшин хевсурских общин.

Суммируя весь комплекс имеющихся фактов и наблюдений, попробуем реконструировать социально-экономический уровень местного общества в эпоху бронзы. Как теперь становится очевидным, Афганистан входил в зону, не знавшую крупномасштабной речной ирригации, а напротив, состоявшую из «оазисной» системы (изолированные оазисы речных или межгорных долин). Наряду с городками (Мундигака, Шахри-Сохте) существовали мелкие сельские поселения. Оба типа поселений, независимо от размеров, состояли из многокомнатных домов — места обитания больших патриархальных семей. Каждая такая семья состояла из нескольких малых семей, по преимуществу связанных кровным родством, но основу структуры общества составляли большие семьи, которые в зависимости от типа поселения («городской» и «сельской») могли выступать то в виде большесемейных, то соседских общин.

В каждом «оазисе» общины-поселения образовывали достаточно обособленную автаркичную группу, концентрирующуюся вокруг культово-административного центра. Последнее обстоятельство предполагает два сектора землепользования: частный и храмовый, причем в той или иной форме к работам на храмовом хозяйстве привлекались все общинники конкретного оазиса. Выделявшаяся административно-культурная верхушка, вождь-жрец и его аппарат вели как светскими, так и религиозными вопросами: регулировали систему водопользования (отчасти и землепользования), поддерживали внутриобщинный порядок, организовывали религиозно-культурные празднества, словом, регламентировали каждодневный быт обитателей оазиса.

Вместе с тем есть все основания предполагать, что эта власть не была абсолютной, а в определенной степени контролировалась советом старейшин, состоявшим из глав-патриархов большесемейных общин. Думается, что существенным препятствием к сложению господствующей верхушки являлось отсутствие крупных рек, не дававших возможности образования достаточно большого прибавочного продукта. Вспомним, что, например, в Дашлинском оазисе поселки разбросаны по всему вееру древней дельты, не образуя ни одного крупного городка, что как будто исключает существование развитой ирригационной системы. С другой стороны, структура поселка на Дашлы-3 демонстрирует пример ведения независимого натурального хозяйства: обитатели его, помимо земледельцев, имели своих гончаров, металлургов и кузнецов, полностью обеспечивая себя всем необходимым. Очевидно, что подобная экономическая незави-

симость не могла не привести к определенной самостоятельности самих общин, что находило выражение в существовании народных собраний. В этом отношении показательна одна шумерская поэма о Гильгамеше, возможно, имевшая реальную подоснову, в которой повествуется о вызове жителей г. Урука на ирригационные работы. Прежде чем ответить, Гильгамеш спрашивает мнение членов совета старейшин и собрания мужей. Налицо ограничение власти вождя, возможно даже царя, со стороны народного собрания.

Итак, ассоциация большесемейных общин-поселений под ограниченным контролем вождя-жреца и служилой знати составляла социально-религиозную структуру общества Афганистана эпохи бронзы. Храмовое хозяйство в основном существовало за счет собственно общины, наряду с чем имела свободная масса общинников, но привлекавшаяся в той или иной форме к участию в делах храмового хозяйства. Одним словом, Афганистан в эту пору переживал стадию разложения первобытнообщинного строя, когда государственная власть еще только формировалась. В этом отношении Афганистан напоминает Месопотамию урукского времени, когда еще нет деспотической власти царя, но храмовое жречество уже становится фактическим собственником значительной части общинных земель.

§ 3. Палеоантропология и история этноса

Палеоантропология Афганистана пока еще изучена весьма слабо, так что в настоящее время, помимо Мундигака, антропологической обработке был подвергнут лишь мужской череп с Дашлы-3. По определению Т. А. Трофимовой, череп европеоидный, относящийся к одному из вариантов восточносредиземноморского типа, причем наиболее ярко выраженной формой этого варианта является серия черепов из Южного Таджикистана, относящаяся ко II тысячелетию до н. э. По данным Т. А. Трофимовой, «череп из поселения Дашлы-3 отличается некоторыми специфическими особенностями в ряде признаков, которые позволяют его сближать скорее с черепами из Тигровой Балки-I, чем с южно-туркменистанскими черепами из Алтын-Тепе»⁵¹.

Как бы ни были минимальны наши сведения, касающиеся древнего населения Северного Афганистана, показательна, что антропологи находят возможным сближать этот материал предпочтительнее с южными областями Средней Азии, чем Южного Афганистана. Все это

определяет необходимость раздельного рассмотрения палеоантропологических данных Северного и Южного Афганистана в связи с историей этноса древних племен смежных областей.

Для Северного Афганистана особое значение имеет установленный факт историко-культурного единства Бактрии и южных областей Средней Азии в целом, что заставляет несколько подробнее остановиться на характеристике расового состава этого обширного региона.

В настоящее время в пределах юга Средней Азии наиболее древние палеоантропологические материалы происходят из Южного Туркменистана, которые, кстати, и полнее всего изучены⁵². Уже в V тысячелетии до н. э. здесь предполагаются два антропологических типа: массивный, кроманьоноподобный, сходный с краниологическими данными пещеры Хоту (Иран), и экваториальный, возможно, связанный с Индией. В IV — III тысячелетиях до н. э. на крайнем юго-западе Средней Азии обитали люди средиземноморской расы, в том числе восточносредиземноморский подтип.

Переходя к эпохе ранней бронзы, нельзя не отметить скудность фактических данных. По существу лишь черепа с Хапуз-Тепе, среди которых имеются как восточносредиземноморские, так и кроманьоноподобные подтипы, до какой-то степени восполняют этот досадный пробел. В недостаточной степени исследованы и краниологические материалы эпохи развитой и поздней бронзы. Так, несколько черепов с Намазга-Тепе, относящихся ко II тысячелетию до н. э., определены как европеоидные длинноголовые⁵³.

Захороненные из могильника Янги-Кала также принадлежат европеоидному долихокефальному типу с очень узким и высоким лицом и сильно выступающим горизонтальным профилем⁵⁴. На поселении Тахирбай-3 (Мургаб) выявлены два долихокраних европеоидных черепа и один долихомезокраних (средиземноморский).

Долихокраних европеоидные черепа отмечены для чувстской культуры в Фергане⁵⁵, причем предполагается, что дальверзинская серия

⁵² Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

⁵³ Ошанин Л. В. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен.— ИАН ТССР, 1952, № 4, с. 27—33; Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении.— В кн.: Ошанин Л. В., Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, с. 98.

⁵⁴ Ошанин Л. В. Антропологические материалы..., с. 27—33.

⁵⁵ Зезенкова В. Я. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста.— СА, 1958, № 3, с. 91—95.

⁵¹ Письменное заключение Т. А. Трофимовой.

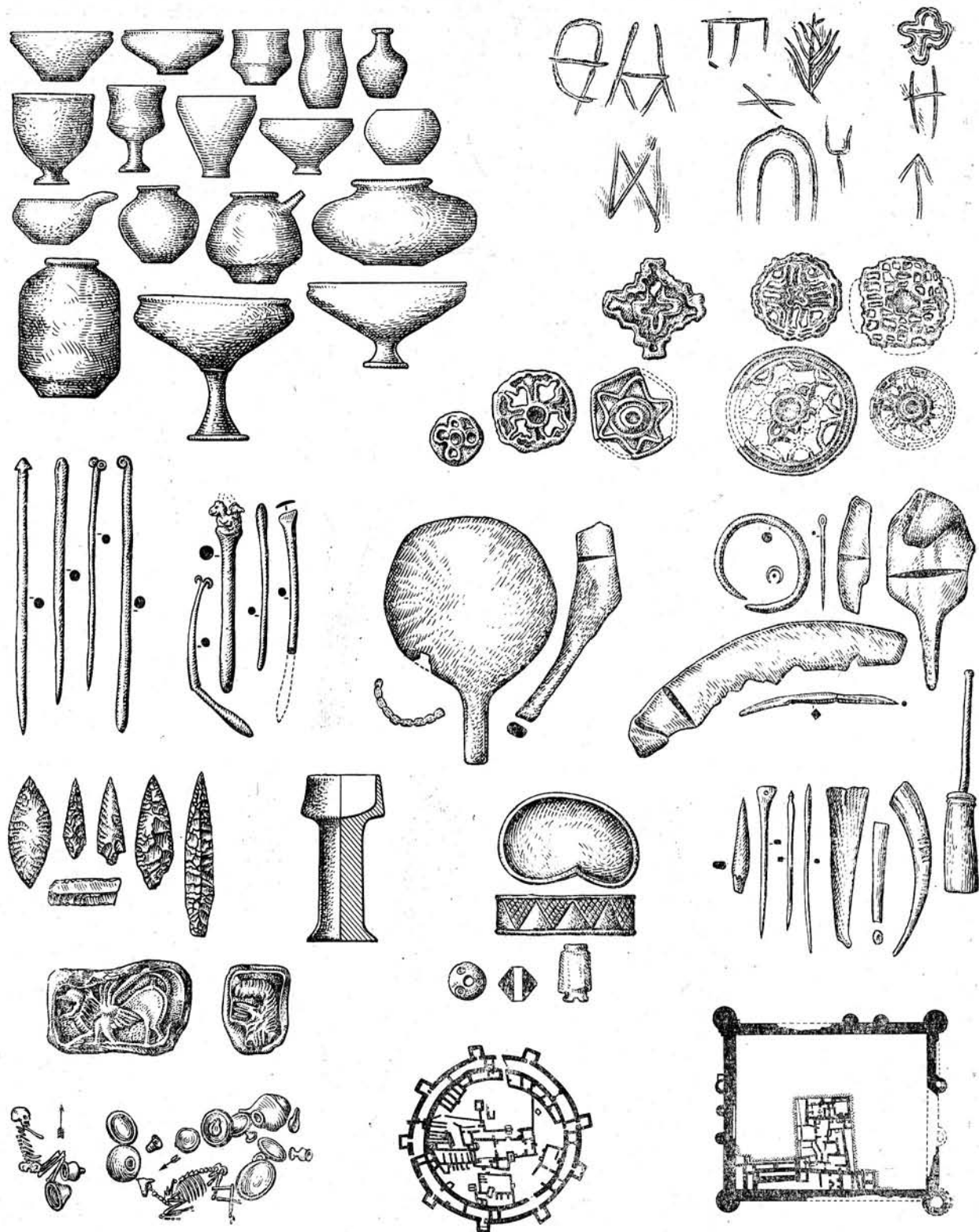

Рис. 63. Дашлинский археологический комплекс

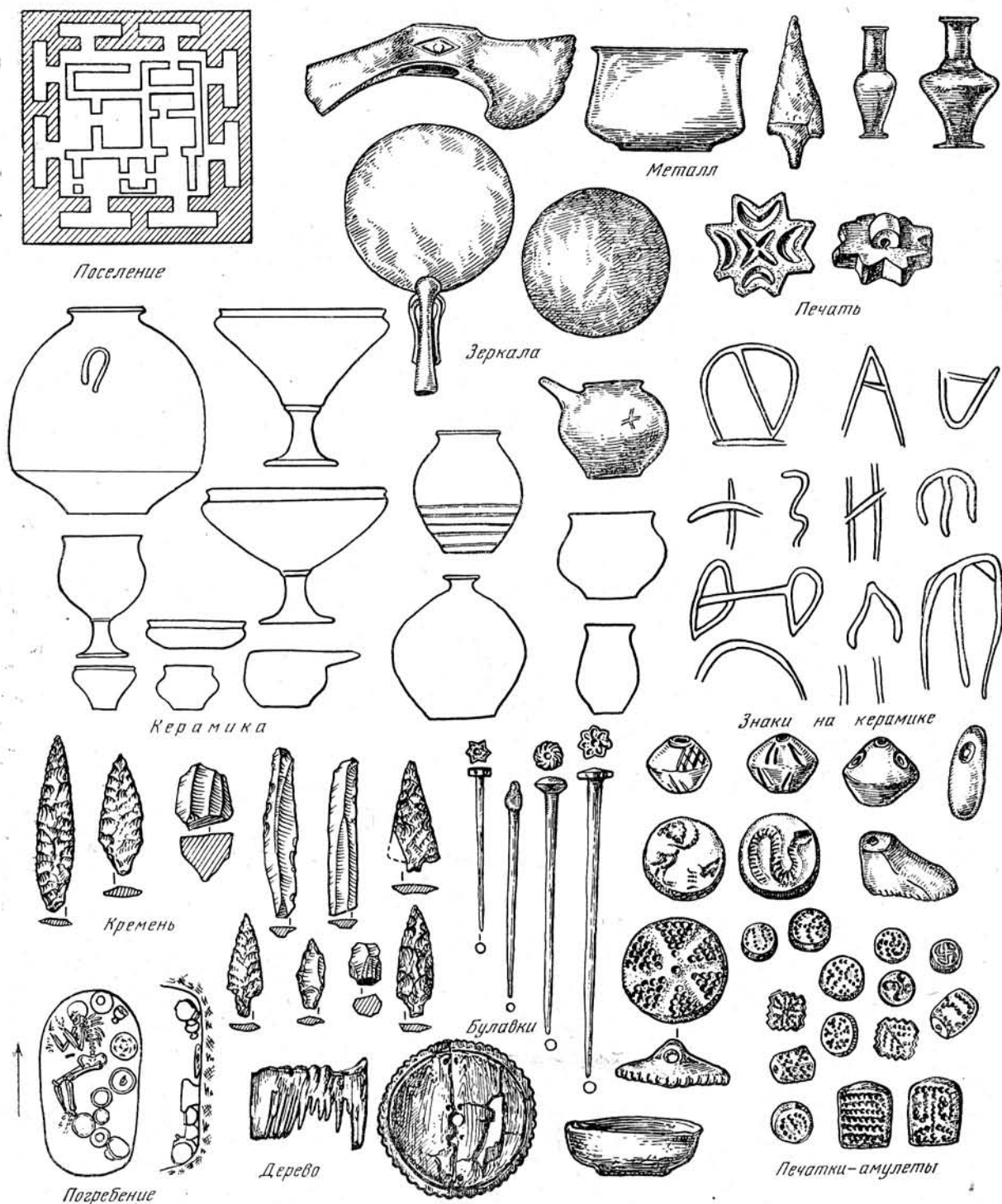

Рис. 64. Сапаллийский археологический комплекс

Рис. 65. Мургабский археологический комплекс

почти идентична черепам из Южной Туркмении⁵⁶.

Особого интереса заслуживают могильники Северной Бактрии второй половины II тысячелетия до н. э. и в первую очередь — Южного Таджикистана, где большой краниологический материал исследован Т. П. Кияткиной⁵⁷. Имеются в виду курганные могильники в долине р. Кафирниган (Тулхарский), правобережья Амударьи, у заповедника Тигровая Балка (Тигровая Балка-I, II, III, IV) и низовий Кизил-Су (Макони-Мор). Большой краниологический материал приводит автора к выводу, что, хотя в целом вся серия однотипна и относится к южным протосредиземноморским формам, внутри нее намечаются две различные группы. Антропологический тип погребенных Тулхарского могильника совершенно иной, чем в Тигровой Балке, и между ними нет ни морфологической близости, ни племенной общности — это два совершенно самостоятельных антропологических типа⁵⁸. По данным Т. А. Трофимовой, черепа из могильника Тигровая Балка-I могут быть выделены в отдельный вариант, до определенной степени сходный с одновременными черепами с Алтыш-Тепе, но эти две серии не являются идентичными. Хотя большая антропологическая серия с Сапалли-Тепе, обработанная Т. Ходжайовым, еще не опубликована, предварительная интерпретация материала представляет особый интерес⁵⁹. В общем виде выводы автора сводятся к следующему: погребенные в Сапалли-Тепе относятся к восточносредиземноморской расе, возможно к особому варианту. В целом же сапаллинцы ближе всего соответствуют составу населения Гиссар-III, Тигровой Балки, Макони-Мор (к чему теперь можно добавить былых обитателей Дашлинского оазиса), резко отличаясь вместе с тем от погребенных Тулхарского могильника, Сялка и Южной Месопотамии.

В результате имеющихся данных вырисовывается ареал существования определенного варианта восточносредиземноморской расы, включающей Северо-Восточный Иран, Бактрию, более чем вероятно, Маргиану и частично Парфию. В этом отношении показательно, что, хотя Южная Туркмения с древнейших времен входила в зону обитания восточносредиземноморской расы, антропологи не находят четких ге-

нетических связей с населением Бактрии рассматриваемого времени. Самую западную точку очерченного ареала составляет Северо-Восточный Иран, в то время как Бактрия фиксирует наиболее восточные его пределы. Очевидно, что магистральная линия инфильтрации племен носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса шла минуя густонаселенные оазисы Южного Туркменистана, что не только не исключает, но предполагает частичное заселение традиционно земледельческих центров предгорий Копет-Дага и сплошное освоение Мургаба.

Не исключено, что дальнейшая история этих племен не была замкнута границами собственно Бактрии, а распространялась дальше вплоть до Северо-Западной Индии. В этом плане особый интерес имеют краниологические материалы могильника Тимаргарха, находящие определенные черты сходства с черепами из Тулхарского могильника⁶⁰ и Тигровой Балки⁶¹. В другом могильнике (Буткара-II) зафиксирован средиземноморский расовый тип, образованный, как полагают, за счет миграции древнего населения из Ирана или района между Каспийским и Аральским морями.

Как видно, вся сумма новых археологических и антропологических данных с бесспорностью указывает на этно-культурную общность Иранского Хорасана и Бактрии, предполагающую взаимное генетическое родство.

Обратимся теперь к характеристике древнего населения Южного Афганистана. Изучение костных остатков из могильников Мундигака дало основание сформулировать следующие заключения. В целом черепа не отличимы от некоторых долихокраних из Мохенджо-Даро, Сялка и отчасти от черепов современных жителей Индии. Они не составляют гетерогенную (единую по происхождению) группу и в целом могут быть отнесены к индо-афганскому типу — наиболее восточной ветви средиземноморской группы⁶².

Здесь будет уместно кратко остановиться на антропологических исследованиях материалов из могильников долины Инда и в первую очередь Харалпы. Общее заключение сводится к следующему: в погребениях Харалпы были захоронены люди двух типов — длинноголовый (тип А) и круглоголовый (тип В). Первый тип в основном представлен черепами наиболее раннего могильника R-37. Здесь выделяются два

⁵⁶ Гинзбург В. В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы. — В кн.: *Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.* — МИА, 1962, № 118, с. 214.

⁵⁷ Кияткина Т. П. Краниологические материалы эпохи поздней бронзы из Южного Таджикистана. — В кн.: *Проблемы этнической антропологии и морфологии человека.* Л., 1974, с. 24.

⁵⁸ Кияткина Т. П. Краниологические..., с. 34.

⁵⁹ Доклад Т. Ходжайова, прочитанный на отчетной сессии в г. Киеве в апреле 1975 г.

⁶⁰ Bernard W. Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha. — *«Ancient Pakistan»*, 1967, v. III, p. 376.

⁶¹ Кияткина Т. П. Краниологические..., с. 34.

⁶² Mendrez C. Etude anthropologique des Squelettes Mundigak. — *«Bulletin de L'Ecole Francaise des Sciences de l'Orient»*, 1966, t. LIII, fasc. 1, p. 115.

Рис. 66. Керамика степной бронзы левобережья Амударьи

подтипа: более высокорослые, с резко выраженными надбровными дугами, скошенным лбом и широким носом (типа А) и низкорослые и грациальные (тип А-1). В типе А выделяются пять

черепов, сближающихся с «протонордическим» типом Гиссара или «каспийским» (по Диксону); территория распространения которых частично заходит в пределы юго-запада Средней Азии⁶³.

В могильнике «Н» наряду с типами А и А-1 встречены также круглоголовые черепа. В целом авторы приходят к выводу, что захороненные в могильнике R-37 отражают более однородный антропологический тип, чем в могильнике «Н». Вместе с тем они оставляют открытым вопрос о возможности генетической преемственности захоронений обеих групп могильников⁶⁴.

С другой стороны, афганский тип предполагается в Месопотамии, причем Л. Бакстон и Д. Райс выдвигают предположение о евроафриканском субстрате, с древнейших времен составлявшем основной этномассив от Индии до Южной Месопотамии, который позднее был разорван проникновением брахикранного «арменоидного» типа⁶⁵. Еще более определенно высказывается К. Кун, считающий, что долихокранные раннешумерийцы Кипша и Ура, подобно обитателям иранского плато, относились к «афганской» расе⁶⁶.

Как можно судить даже по этим, далеко не полным данным, Южный Афганистан более входил в ареал распространения индо-афганского типа, протянувшегося от индийского субконтинента вплоть до нижней Месопотамии. И возможно, не случайны выводы, к которым независимым путем пришли антропологи (Т. Трофимова, К. Мендре), предполагающие наибольшую близость кветто-мундигак-геоксюрского населения с индо-афганским типом. Как видно, входя в восточносредиземноморскую расу, население Северного Афганистана обнаруживает предпочтительное генетическое родство с древним населением Северо-Восточного Ирана и юга Средней Азии, в то время как население юга страны находит большее соответствие с индо-афганским типом.

Имеющиеся данные, хотя и далеки от исчерпывающей полноты, тем не менее дают представление о начальных этапах истории этноса афганского народа. Можно считать установленным, что древнейшее население по крайней мере III тысячелетия до н. э. принадлежало долихокранной европеоидной расе, близкой к населению Южного Туркменистана и Северо-Запад-

⁶³ Gupta P., Dutta P., Basu A. Human Remains from Harrappa.— «Anthropological Survey of India». Memoires, N 9, 1962, p. 57—59.

⁶⁴ Gupta P., Dutta P., Basu A. Human..., p. 179.

⁶⁵ Buxton L., Rice D. Report on the Human Remains Found at Kish.— «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1931, v. 61, p. 67.

⁶⁶ Goon C. S. The Races of Europe. New York, 1939, p. 87.

ной Индии. Этот субстрат и послужил той основой, на которой к середине II тысячелетия до н. э. складывается в целом однородная популяция грациальных долихоцефалов, распространенная в пределах всего исследованного Афганистана.

Как будет показано ниже, начиная с этого времени как на юге, так и севере страны население говорит, вероятнее всего, на восточноиранском языке, к которому, кстати сказать, относится и современный язык афганцев (пушту). Естественно предполагать, что нарисованная картина не более чем схема, закладываемая, однако, предварительный фундамент к изучению этногенеза, но не отдельных изолированных областей, а применительно к истории этноса всего современного Афганистана.

Приведенный обзор палеоантропологического состава Афганистана дает возможность в предварительном порядке сопоставить его с языковой принадлежностью, как она рисуется лингвистами, а также с данными археологии. По данным лингвистов, до начала II тысячелетия до н. э. существовала арийская языковая общность, т. е. нерасчлененное единство иранских и индийских языков, причем «из всех индоевропейских языков иранские ближе всего к индийским, вместе с которыми образуют индоиранскую (или арийскую) ветвь индоевропейских языков»⁶⁷.

По вопросу о месте обитания индоиранских племен (до их разделения) существуют различные мнения⁶⁸, но преобладает теория, согласно которой это были обширные, преимущественно степные районы Средней Азии и, возможно, некоторые сопредельные области. Предполагается далее, что постепенное расселение этих племен привело к возникновению диалектных различий в первоначально едином языке. В результате этого процесса произошло разделение иранского языка на две основные группы: западноиранскую и восточноиранскую, условной границей между которыми принимается пустыня Дешти-Кевир. К восточноиранским языкам относятся хорезмский, согдийский, бактрийский, скифские (сакские) языки⁶⁹. Есть основание предполагать, что языковые различия вначале были не очень велики, так как, например, согласно Эратостфену (см. Strab., XI, 2, 8), жители Персии, Мидии, Бактрии и Согдианы «почти одноязычны», а по данным Чжан-Цяня (II в. до н. э.) «от Давани (Фергана) на запад до

государства Аньси (Парфия) хотя есть большая разница в наречиях, но язык весьма сходен и в разговорах понимают друг друга»⁷⁰.

Для нашей темы особый интерес имеет включение Бактрии в зону распространения восточноиранских языков. До последнего времени упоминаемый античными авторами бактрийский язык был неизвестен, однако древнейшая из обнаруженных надписей из Сурх-Котала подкрепляет это допущение фактическими данными⁷¹, так как составлена она на одном из восточноиранских диалектов, определяемом как бактрийский язык⁷².

Есть веские основания считать, что бактрийский язык был распространен весьма широко: до Бамина, Каписа (долина р. Кабул) и Шугнана (припамирская область), по крайней мере вплоть до VII—VIII вв.⁷³ Это обстоятельство имеет принципиально важное значение, если учесть, что бактрийский язык по историко-фонетическим признакам занимает промежуточное место между согдийским, хорезмским и современным афганским⁷⁴.

Однако все еще спорным остается вопрос о конкретных путях распространения восточноиранского языка на территории Афганистана, и в частности в его северной части. Выше уже отмечалось, что, по мнению большинства специалистов, в том числе советских (А. Н. Бернштам, С. П. Толстов, М. А. Итина, А. М. Мандельштам, Ю. А. Заднепровский, Е. Е. Кузьмина и др.), ариями или иранцами считаются степные племена андроновской культуры, переселение восточной ветви которых приводит к распространению восточноиранских языков.

Не исключая гипотезу об ираноязычной принадлежности андроновских племен, отметим правомерность существования и иной точки зрения, находящей определенные основания в свете новых археологических материалов.

Не входя здесь в рассмотрение индоиранской проблемы в целом, отметим, что применительно к Бактрии старая концепция противоречит имеющимся прямым археологическим фактам. Свидетельством тому служит все изложенное в этой работе: не в Бактрию проникали племена из Средней Азии, а, напротив, отсюда шло рас-

⁶⁷ Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963, с. 32.

⁶⁸ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 10—65; он же. О распространении иранских племен на территории Ирана. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 286—320.

⁶⁹ Оранский И. М. Иранские языки..., с. 36—37.

⁷⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 161.

⁷¹ Schlumberger D. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India.— «Proceeding of the British Academy», 1961, v. XLVII, 1961, p. 77—94.

⁷² Henning W. B. The Bactrian inscription.— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», v. XXIII. 1960, part 1, p. 47—55.

⁷³ Ср.: Оранский И. М. Иранские языки..., с. 97—98.

⁷⁴ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I. М., 1964, с. 21.

селение племен, по крайней мере в сторону южных областей современных Таджикистана и Узбекистана. И уж, во всяком случае, в пределах Бактрийской равнины нет ни одного свидетельства проникновения степных скотоводческих племен андроновского круга⁷⁵.

С другой стороны, неоднократное расселение племен (восточнохорасанская культура, бактрийско-маргианский археологический комплекс), скорее всего из (и уж, во всяком случае, через) Иранского Хорасана, может отражать распространение и восточноиранских языков. Отсутствие письменных данных делает такое допущение во многом гипотетичным, но по существу малооказуемым до сих пор остается и теория иранской принадлежности андроновских племен. Установленный факт распространения в Северном Афганистане восточноиранского языка в античное время предполагает и начальную стадию, что по археологическим данным ближе всего связывается с расселением племен из (а скорее через) Иранского Хорасана, где индоевропейское население могло существовать задолго до начала II тысячелетия до н. э., как это допускает, например, Ж. Дейе, основываясь на новых материалах с Тюренг-Тепе.

Еще более сложен вопрос о языковой принадлежности населения Южного Афганистана, которое до II тысячелетия до н. э. могло говорить на языках дравидской группы, а со II тысячелетия до н. э. здесь уже предполагается распространение индоиранских языков. В этой связи высказано мнение, что бактрийский язык был близок диалектам Арахосии и Дрангианы, «если только жителей этих областей не следует именовать бактрийцами в широком смысле этого слова»⁷⁶.

Как можно судить по материалам Афганского Сеистана и Кандагарского оазиса конца II — начала I тысячелетия до н. э., материальная культура их близко перекликается с бактрийской, свидетельствуя о приходе населения, говорящего на близком, если не родственном, восточноиранском языке. Показательно также, что при отмечаемой взаимной общности материальная культура Афганистана этого времени практически не находит никаких соответствий со степными культурами Средней Азии.

Поскольку Афганистан все чаще упоминается в связи с теорией арийского завоевания⁷⁷, постольку представляется правомерным сопо-

ставление письменных данных с новыми археологическими материалами, памятуя, однако, что в настоящее время теорий подобного рода больше, чем самих авторов, нередко эволюционирующих в своих научных взглядах на диаметрально противоположные позиции. Не входя в рассмотрение арийской проблемы в целом, мы лишь сопоставим данные лингвистов с новыми археологическими материалами, могущими быть соотнесенными с этим кругом вопросов.

Итак, по одной из гипотез индоиранские племена (по археологической номенклатуре, племена андроновской культуры), обитавшие в степях Средней Азии, двигаются на соседние территории, что приводит к разделению арийских племен на иранские и индоарийские. В результате иранские племена проникают на территорию собственно Ирана и затем выходят в Переднюю Азию⁷⁸.

Индоарийская ветвь через Северный Белуджистан и Афганистан в XIII—XII вв. до н. э. в конечном счете также проникает в Индию⁷⁹, с чем многие исследователи связывают упадок харапской цивилизации. Посмотрим, как же согласуются эти гипотезы (построенные в основном лингвистами на сравнительно-языковом материале) с данными археологии и в первую очередь Бактрии. В настоящее время археологи для доказательства арийского продвижения через земледельческие оазисы Средней Азии обычно приводят вышеупомянутые могильники Южного Таджикистана.

А. М. Мандельштам первый высказал гипотезу, согласно которой степные племена из южной полосы Европы, появившиеся в Средней Азии, принесли с собой свои погребальные обряды (зафиксированные Тулхарским могильником), заимствовав керамику и металлические изделия у местных племен, в том числе земледельческих⁸⁰. По его мнению, могильники бишкентской культуры (сформировавшиеся на основе андроновской и заманбабинской) обнаруживают большую близость с погребальными ритуалами, приведенными в Ригведе, так что носители бишкентской культуры могут считаться родственниками ведических ариев.

Позднее эта теория была развита на сравнительных материалах могильников Южного Таджикистана и Северо-Западной Индии⁸¹,

⁷⁵ Сараниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане.— СА, 1975, № 2, с. 26—27. Единичные обломки керамики «степной» бронзы в песках левобережья Амударьи не противоречат такому общему заключению.

⁷⁶ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана..., с. 21.

⁷⁷ Allchin R. and B. The Birth of Indian Civilization. Baltimore, 1968, p. 154—155.

⁷⁸ Высказано предположение, что далее Ирана арии не проникли (см. об этом подробнее: Дьяконов И. М. Ариицы на Ближнем Востоке. Конец мифа.— ВДИ, 1970, № 7), что, однако, требует дополнительных доказательств.

⁷⁹ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 125, 128.

⁸⁰ Более подробно см.: Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, 1968, № 145.

⁸¹ Литвинский Б. А. Археологические открытия в Тад-

причем особую разработку эта проблема получила в работах Е. Е. Кузьминой⁸², которая предполагает большую близость в комплексе признаков: от погребальных сооружений и обрядов до погребального инвентаря включительно, что, однако, было поставлено под сомнение С. Антониони и Г. Стакул⁸³. Итальянские археологи решительно возражают против прямой связи бишкентской культуры с синхронной культурой Свата, усматривая предпочтительную близость с Северо-Восточным Ираном и Южной Бактрией, что представляется более обоснованным⁸⁴.

Суммируя имеющиеся наблюдения, можно считать установленным, что могильники Вахшской долины принадлежали разному населению, что находит отражение со стороны антропологического материала: тулхарские черепа отличны от черепов Тигровой Балки и Сапалли-Тепе. Однако разный этнический состав не исключает взаимного сродства в погребальных сооружениях и приношениях, что в конечном счете связано с обитанием рассматриваемого населения в сходной, контактной зоне степных и традиционно земледельческих культур.

Если учесть, что среди большого краниологического материала Южного Таджикистана полностью отсутствует не только андроновский антропологический тип, но и вообще тип, который можно было бы связывать с протоевропеидными формами⁸⁵, то станет очевидной необходимость дальнейшего, более углубленного исследования вопроса о приходе арийских племен на индийский субконтинент из среднеазиатских степей.

В связи с затронутой проблемой следует остановиться на гипотезе, высказанной Б. А. Литвинским относительно происхождения могильников Южного Таджикистана. Вкратце она сводится к следующему: в эпоху поздней бронзы (период Намазга-VI) из восточной оконечности ареала анауских земледельческих

культур происходит расселение племен на восток. Часть этих племен занимает речные бассейны Пянджа и Амударьи (свидетельством чего являются упомянутые могильники), другие же уходят на юг, в Афганистан⁸⁶.

Поскольку в то время, когда была сформулирована эта гипотеза, оседло-земледельческие памятники Бактрии известны еще не были, то такое допущение не только не противоречило, но полностью соответствовало состоянию изученности вопроса в целом. Однако после открытий в Южной Бактрии соответствующих памятников эпохи бронзы автор не только не пересмотрел свою прежнюю точку зрения в свете нового материала, но, напротив, считает, что данные раскопок подтвердили его гипотезу, внося в нее лишь некоторые коррективы. В частности, уточняется, что приход восточноанауских племен следует относить не к периоду Намазга-VI, а к Намазга-V или даже к концу Намазга-IV⁸⁷.

Гипотеза Б. А. Литвинского, на наш взгляд, противоречит всей сумме имеющихся фактов. В настоящее время нет никаких прямых археологических данных, которые бы указывали на освоение Бактрии земледельческими племенами до периода Намазга-VI, а тем более Намазга V и IV. Действительно, в Южном Туркменистане в период позднего Намазга-V происходит запустение ряда крупных памятников типа Алтын-Тепе и Намазга-Тепе, однако бывшее население преимущественно уходит в соседнюю Маргиану, где в настоящее время открыто много новых памятников этого времени. Если же автор имеет в виду племена типа «мургабского варианта», или, иначе, «восточной оконечности позднеанауского ареала», то они относятся к времени не ранее Намазга-VI. Думается, что новые комплексные археолого-антропологические материалы заставляют более дифференцированно подходить к культурно-исторической оценке племен «степной» бронзы, оставивших могильники крайнего юго-запада Таджикистана.

Представляется, что могильники Вахшской долины демонстрируют крайние северные пределы распространения оседло-земледельческих племен Бактрии, происхождение которых уходит вплоть до древнего Ирана. Думается, что могильники Южного Таджикистана (исключая Тулхарский) оставлены выходцами из земледельческих оазисов Южной Бактрии, двигавшимися далее на северо-восток в поисках новых земель. Оторвавшись от своей метрополии, они утрачивают отдельные традиционные навыки, так что наблюдается некоторая «варваризация»

жикистане в 1962—1970 гг.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане. М., 1973. В этой работе автор усматривает не столько взаимную связь, сколько общие истоки.

⁸² Кузьмина Е. Е. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией.— КСИА, 1972, вып. 132, с. 116—121; она же. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии.— ВДИ, 1972, № 1, с. 131—149. Здесь же приведена полная библиография раскопок итальянских и пакистанских археологов в Свате.

⁸³ Antonini C. S. More about Swat and Central Asia.— «East and West», 1973, v. 23, N 3—4, p. 235—244; Stacul G. New Archaeological Evidence on North-West Indo-Pakistan.— «East and West», 1974, v. 24, N 3—4, p. 240—243.

⁸⁴ Сарияниди В. И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане.— КСИА, 1972, вып. 132, с. 16—22.

⁸⁵ Киякина Т. П. Краниологические материалы..., с. 35.

⁸⁶ Литвинский Б. А. Археологические открытия..., с. 121. Здесь же приведена исчерпывающая литература вопроса.

⁸⁷ Литвинский Б. А. Археологические открытия..., с. 11.

культуры, что находит отражение в ухудшении качества посуды, которая теперь в массе своей изготавливается вручную, составляя 80% от всей учтенной⁸⁸.

Многое еще остается неясным в генезисе вахшской культуры, но не следует и преувеличивать влияние культуры «стенной» бронзы. До сих пор ни в одном из могильников не встречена посуда андроновского облика, а захоронения «катакомбного» типа были искони присущи иммигрантам на их бывшей родине, что документируется грунтовыми могильниками Дашлинского оазиса.

В свете приведенных данных не исключено, что бишкентская и вахшская культура не только не являются вариантами одной общей культуры, а, напротив, принадлежат, как это можно судить по данным антропологии, разным этническим группам. В то же время определенное сходство материальной культуры (точнее, погребального инвентаря) может в определенной степени объясняться обитанием этих племен в контактной зоне степных и традиционно земледельческих областей Средней Азии.

Анализ вышеприведенных фактов приводит к выводу, что могильники Южного Таджикистана свидетельствуют не о продвижении среднеазиатских индоариев на их пути в Индию, а, наоборот, о расселении традиционных земледельческих племен далее, на северо-восточную периферию от своей метрополии. Более того, если признать, вслед за пакистанскими археологами, что арии могли прийти на индийский субконтинент только через Северо-Восточную Индию, то скорее этому отвечает древняя культура коренной Бактрии, что, конечно, также не решает проблемы в целом. Было бы неверно усматривать между ними прямую связь, но некоторые черты культуры Бактрии перекликаются с данными Авесты и Ригведы, хотя другие находятся в противоречии.

Вкратце остановимся на этих предварительных наблюдениях, как они рисуются в свете новых археологических материалов. Известно, что предки индоарийских и иранских племен вели земледельческо-скотоводческое хозяйство, однако на первом месте стоит скотоводство, которое является мерилом богатства и процветания. В Гатах особое внимание уделяется скотоводству: «Славословить Ахура-Мазду и давать корм скоту — это мы считаем самым лучшим»⁸⁹.

В параллель этому указанию нетрудно вспомнить ритуальные захоронения баранов Бактрии — ярчайшее свидетельство особой роли

скотоводства, нигде более не выраженной в такой четкой форме. В этой связи нелишне вспомнить изображения верблюда и священного дерева с птицами на одном бактрийском амулете, что, как отмечалось выше, находит аналогии в данных Авесты.

С другой стороны, общеизвестный факт применения индоиранцами боевых колесниц и широкого развития коневодства если и не противоречит⁹⁰, то и не находит пока доказательств на материалах Бактрии. Правда, в одной из разграбленных могил Дашлы-19 отмечено погребение лошади, а из другой происходит бронзовое навершие в виде протомы лошади.

Известно, какое большое значение в верованиях индоиранцев занимал культ огня (воплощавший символ божественной справедливости), с чем нельзя не сопоставить храм огня с Дашлы-3 — единственное и наиболее показательное пока культовое сооружение коренной Бактрии.

Сложные социальные отношения документируются тем фактом, что наряду со свободным Авеста и Ригведа упоминают неполноправное и зависимое население. Полноправное, свободное население состояло из трех основных групп: жречество, военная знать и свободные общинники, причем все они в основном существовали за счет собственного производительного труда⁹¹.

Если вспомнить схему общественной жизни Бактрии, реконструируемую на археологических материалах, то существование двух из этих групп (жречество и общинники) не требует особых доказательств. Точно так же наличие в той или иной форме зависимого населения, по крайней мере в системе храмового хозяйства, подтверждается материалами Дашлы-3.

Общество Авесты⁹² строится по четырехступенчатой системе: это, во-первых, дом-семья, причем как вариант имелись более крупные объединения, связанные по отцовской линии и составившие агнатические группы⁹³. Несколькими агнатными общинами составляли второе подразделение или род (нередко — родовое поселение), который возглавлял глава рода, но ограниченный родовым советом, состоявшим из глав агнатических общин.

⁹⁰ Нелишне вспомнить бактрийскую золотую модель колесницы из амударьинского клада, хотя и более позднего, ахеменидского времени.

⁹¹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 349. У иранцев существовала четвертая группа — «ремесленники», возможно, зависимые.

⁹² Дьяконова И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956, с. 180—189; Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique.— «Journal Asiatique», 1932, N 4, p. 117—134; Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 54—56.

⁹³ Подробнее см.: Периханян А. Г. Агнатические группы...

⁸⁸ Литвинский В. А. Археологические открытия..., с. 10.

⁸⁹ Цит. по: Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зоорафра.— In: Monografie Archivi Orientalního, d. I. Praha, XXIV, 1956, S. 23—56.

Следующим, третьим подразделением являлась область, населенная племенем, и, наконец, «страна», т. е. высшая форма объединения, но не обязательно предполагающая государство. Можно почти не сомневаться, что общественная номенклатура Авесты в общем виде может быть полностью приложима к Бактрии. Добавим, что в Авесте нет терминов, обозначающих город, что многие исследователи склонны объяснять более поздним временем существования городов сравнительно с ранней редакцией Авесты. Не исключено, однако, что это были безцитадельные крепости типа Дашли, Сапалли или Аучин, к которым еще был не приложим термин «город». В этом отношении справедливо мнение В. А. Лифшица: «...не следует, однако, сомневаться в том, что были крепости, служившие не только резиденцией главы рода, но и местом укрытия жителей во время военных столкновений»⁹⁴.

Наконец, при всей спорности вопроса о месте сложения Авесты⁹⁵ предпочтительной считается теория о восточном центре, не исключая и Бактрии, где, как предполагал Ктесий, жил Заратустра⁹⁶. Точно так же, хотя нет единого мнения о времени создания Авесты, некоторые исследователи относят это событие к доахеменидскому периоду в пределах 1000—600 гг. до н. э. Эти и другие соображения приводят Б. Г. Гафурова к выводу, что Бактрия, которая характеризуется в Авесте страной «с высоко поднятыми знаменами», была если не первой, то одной из стран, где раньше всего распространился зороастризм⁹⁷, что представляется вполне вероятным.

Подведем некоторые итоги. Далеко не все положения Авесты и Ригведы находят соответствие в культуре Бактрии; более того, и в этом случае они, хотя и в ограниченной степени, приложимы к земледельческо-скотоводческим культурам юго-запада Средней Азии⁹⁸. Вместе с тем отдельные указания, содержащиеся в Авесте, пока находят археологическое обоснование предпочтительно на бактрийских материалах, например, культовые захоронения молодых баранов, прямоугольные безцитадельные крепости, храмы огня, возможная трех-четырёхчленная структура общества.

⁹⁴ История таджикского народа, т. I. М., 1963, с. 145.
⁹⁵ Последнюю сводку см.: Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса).— В кн.: История Иранского государства и культуры.

⁹⁶ Пьянков И. В. Ктесий о Зороастре.— В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. 1. Душанбе, 1968.

⁹⁷ Гафуров Б. Г. Таджики, с. 53.

⁹⁸ Ср.: Мандельштам А. М. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 254—258.

Не только не доказано, что носители степных культур Средней Азии (и в первую очередь андроновцы) были индоиранцами, но нет этому подтверждения и на новом археологическом материале. Противоречат этому и известные в настоящее время уточненные палеоантропологические определения краниологических материалов контактной зоны южных областей Средней Азии и Северо-Западной Индии.

С другой стороны, совокупность имеющихся фактов более свидетельствует в пользу теории, выдвинутой С. П. Толстовым и конкретизированной В. М. Массоном, что индоиранские племена обитали в Хорасане по крайней мере со времени Намазга-V—VI, т. е. начиная с рубежа III—II тысячелетий до н. э.⁹⁹ Это положение было развито И. М. Дьяконовым, согласно которому индоиранские племена обитали в Хорасане по крайней мере с начала II тысячелетия до н. э., откуда они затем могли проникать на юго-запад и юго-восток¹⁰⁰, что, однако, вызвало решительное возражение со стороны части исследователей¹⁰¹, преимущественно лингвистов, хотя, например, В. А. Лифшиц не склонен столь категорично отвергать и такую гипотезу¹⁰².

Нельзя не сопоставить с этим факт происхождения бактрийско-маргианского комплекса из областей Иранского Хорасана, к чему следует добавить включение и, по-видимому, смешение племен — носителей восточнохорасанской культуры. Кумлийский этап с бесспорностью свидетельствует об ассимиляции второго компонента, что не могло не сказаться в дальнейшем на сложении общего этнолингвистического субстрата этого обширного региона в системе Юго-Западной Азии.

Не входя в рассмотрение всей затронутой и чрезвычайно сложной проблемы, отметим лишь, что, видимо, не случайно географический горизонт Авесты охватывает наряду со степными и традиционно земледельческие области: от Герата и гор Парапамиза до Маргианы. Действительно, земледельческо-скотоводческие племена Восточного Ирана, Северного Афганистана и крайнего юго-запада Средней Азии составляли на протяжении II тысячелетия до н. э. во многом родственный в историко-культурном отношении регион. Общий облик культуры относительно близок к данным Авесты, причем в некотором отношении здесь обнаруживаются со-

⁹⁹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., с. 118—119.

¹⁰⁰ Дьяконов И. М. [рец. на кн.:] Древнеземледельческая культура Маргианы.— ВДИ, 1960, № 9, с. 199. По автору, андроновские племена были иранскими, по крайней мере по языку.

¹⁰¹ Грантовский Э. А. Ранняя история..., с. 339—367; Гафуров Б. Г. Таджики, с. 36—37.

¹⁰² История таджикского народа, т. I, с. 130—131.

ответствия, дополняющие древнебактрийские. Так, если в Бактрии пока нет прямых свидетельств о развитом коневодстве и колесницах, то, хотя и в косвенной форме, такие данные имеются в Южном Туркменистане, где среди мелкой терракотовой пластики наряду со статуэтками верблюдов и быков, впряженных в повозки, появляются фигурки лошадей, предназначенных для боевых или церемониальных колесниц¹⁰³. Но и в таком случае нет никаких оснований предполагать, что колесницы, запряженные лошадьми, появились на юго-западе Средней Азии в результате расселения индоиранских племен из степных областей Средней Азии¹⁰⁴. Может быть, наоборот, они могли попасть сюда из городских центров Передней Азии¹⁰⁵.

Культурно-историческое единство, наблюдаемое в очерченном регионе с рубежа III—II тысячелетий до н. э., усиливается с середины II тысячелетия до н. э., когда здесь распространяются некоторые специфические типы изделий. Расширяется и географический ареал, когда в эту зону частично включаются Южный Иран и Южный Афганистан вплоть до долины Инда. Практически одновременно появляются на этих территориях каменные биконические «шраслица» с кружковым орнаментом, некоторые виды металлических изделий (булавки со специфическими навершиями, кубковидные сосуды), керамические и фаянсовые печати. В этом плане показательны материалы долины Инда, свидетельствующие о том, что все эти новшества появляются не в хараппский, а в постхараппский период, выделяемый в культуру Джукхар. Это обстоятельство с несомненностью указывает, что бактрийско-маргианский комплекс в целом синхронизируется с культурой Джукхар (и, возможно, с позднихараппским периодом), а применительно к Южному Туркменистану — с периодом Намазга-VI. К вышеприведенным аналогиям добавим, что в Чанху-Даро имеются вазы, ножки которых в верхней части имеют шаровидное утолщение¹⁰⁶, что отмечено и для поздних керамических комплексов Бактрии. Еще более показательна гончарная керамика с нацарапанным орнаментом, являющаяся поздним признаком для соответствующей посуды всего очерченного региона, причем южнотуркменистанские — североафганские и джукхарские соответствия выглядят наиболее убедительно. Специально отметим, что эта кате-

гория керамики в долине Инда¹⁰⁷ резко отличается от предшествующей и не имеет местной линии развития.

Наконец, этот период практически для всего выделенного региона характеризуется почти полным исчезновением мелкой терракотовой пластики и в особенности антропоморфной. Если для Бактрии это обстоятельство не столь показательно, то для юго-запада Средней Азии и долины Инда предшествующего времени существование антропоморфной пластики является характерным признаком развития местных культур вообще. Думается, что приведенный комплекс наблюдений свидетельствует в пользу племенных передвижений с запада на восток.

Начиная с М. Уилера, в науке появляется теория, согласно которой хараппская культура гибнет в результате арийского нашествия¹⁰⁸, что, однако, не является единственным решением этого сложного вопроса¹⁰⁹.

Вместе с тем показательно, что не только сторонники арийской принадлежности джукхарской культуры¹¹⁰, но и исследователи, признающие ее местную линию сложения, — все согласны с тем, что вышеперечисленные элементы культуры (некоторые виды керамики, украшения, печати, орудия и др.) обязаны своим происхождением более западным областям. Хотя нет прямых данных, свидетельствующих об арийской принадлежности вышеприведенного археологического комплекса, показателен широкий набор специфических изделий, практически одновременно распространяющихся в этой части Юго-Западной Азии. В этой связи можно лишь вспомнить слова Г. Ф. Дебеца о том, «что такое арийское распространение — распространение культуры или языка?», свидетельствующее о слабой разработанности проблемы в ее общем виде. Пока лишь можно предполагать, что распространение исследуемого археологического комплекса может отражать и расселение племен, возможно, говоривших на сходных диалектах восточноиранского языка. Их этническая принадлежность неясна, но изучение ее тесно связано с изучением самой арийской проблемы в целом.

¹⁰³ Сарияниди В. И. Статуэтка лошади с Алтын-Тепе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1972, с. 113—116.

¹⁰⁴ Дьяконов И. М. История Мидии..., с. 124—125.

¹⁰⁵ Сарияниди В. И. Статуэтка лошади..., с. 116.

¹⁰⁶ Mackay E. Chanchi-Daro..., pl. XLI, N 22.

¹⁰⁷ Mackay E. Chanchi-Daro..., p. 108, pl. XLVIII, особенно № 8, 15, 25.

¹⁰⁸ Wheeler M. Iran and India in Pre-Islamic Times.— «Ancient India», 1947—1948, N 4, p. 92—100.

¹⁰⁹ См. подробнее: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. История Индии..., с. 125—130.

¹¹⁰ Wheeler M. Five Thousand Years of Pakistan. London, 1950, p. 32—33; Heine-Geldern R. The Coming of the Aryans and the end of the Harrappa Civilization.— «MAN», 1956, v. LVI, p. 138.

§ 4. Становление городской цивилизации Бактрии

Зарождение и становление городских цивилизаций мира — это чрезвычайно длительный, сложный, а главное, многообразный процесс, соответствующий последней фазе существования первобытнообщинного строя. Где бы ни происходил этот процесс, при единой социально-экономической формации конкретные формы проявления могли существенно отличаться. Это зависело от разных факторов, среди которых далеко не последнюю роль играл географический. Считается даже, что некоторые общества древней Европы имели больше сходства с азиатскими, чем с другими европейскими, и что существовали различные пути развития однотипной экономики, характерной для всей древности¹¹¹.

Применительно к Ближнему Востоку можно говорить о двух основных путях или формах развития цивилизации: месопотамском и западноазиатском. Месопотамский путь — это цивилизация крупных рек (Египет, Месопотамия, частично индийский субконтинент), западноазиатский путь характеризуется цивилизацией малых рек (большая часть Ирана, Афганистан, южные области Средней Азии). Однако и внутри этих двух магистральных линий становления городских цивилизаций намечаются различные варианты, обусловленные разным экологическим фоном и предшествующим социально-экономическим развитием самого общества.

Для нашей темы первостепенное значение имеет западноазиатский путь развития, точнее бактрийская форма становления городской цивилизации. Коренные земли древней Бактрии, затерянной в глубинных районах Азии, представляют особый интерес, так как в последние годы здесь удалось получить много новых фактических данных, касающихся не только уточнения и конкретизации бактрийского государства античного периода, но и позволяющих наметить начальные этапы становления этого процесса.

Как было доказано выше, во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. на территории Афганистана сосуществовали два археологических комплекса со своими собственными культурными традициями, на основе которых в конечном счете складывается городская цивилизация. Рассмотрим сначала, какие могут быть сделаны заключения социологического порядка из вышеприведенных данных бактрийско-маргианского археологического комплекса.

Можно считать бесспорным, что исследуемые племена в своем развитии уже давно про-

шли стадию первого крупного разделения труда — отделения земледелия от скотоводства. Более того, думается, что их материальная культура указывает и на отделение ремесла от земледелия. В самом деле, большие по размерам, двухъярусные по конструкции керамические горны и сама высококачественная керамическая продукция изящных, порой вычурных форм, изготовленная на гончарном круге, — все указывает на высокую степень профессионализма. Технологические особенности производства предопределяют выделение мастеров-профессионалов гончарного производства. Сами керамические горны, как правило, вынесены на окраины поселений, где они концентрируются в одном месте, как бы демонстрируя зарождающиеся «кварталы керамистов». И, наконец, продукция гончаров встречается на памятниках иной культурной принадлежности, свидетельствуя об обмене (вплоть до меновой торговли); однако думается, что выделение «класса купцов»-профессионалов, занимающихся торговлей, еще не произошло.

Исходя из специфики археологического материала, мы можем говорить лишь о керамическом ремесле; однако имеющиеся данные намекают, что в еще большей степени признаки выделившегося ремесла относятся и к древним металлургии и металлообработке. В этом отношении показательны типы металлических изделий, точно копирующие аналогичные прототипы Восточного Ирана, и юго-запада Средней Азии. Как известно, само включение той или иной области в орбиту определенной металлургической технологии «подразумевает распространение производственных навыков и организацию широкой торговли металлами»¹¹².

Местная металлургия и металлообработка документируются не только полуфабрикатами, но и специальными местами выплавки металла в сопровождении сложного инструментария. Представляется, что Бактрия в рассматриваемое время переживала пору интенсивного развития ремесел, в массе своей уже отделившихся от земледелия. Выделяются не только профессионалы-ремесленники, но и древние металлурги и кузнецы, лишь эпизодически принимающие участие в земледельческих работах.

Не менее важной предпосылкой становления раннеклассового общества является и наличие монументальной архитектуры, так что дворцово-культовый комплекс на Дашлы-3 является в этом плане ярчайшим признаком новых социальных изменений. Возведение монументальных сооружений требовало колоссальной по тому времени затраты коллективного труда всех обитателей конкретного микрорегиона. В этом

¹¹¹ Дьяконов И. М. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ, 1968, № 4, с. 30.

¹¹² Кларк Д. Доисторическая Европа. М., 1953, с. 257.

отношении показателен сам дворец, на необычно массивные стены которого было использовано несколько тысяч кирпичей, что было возможным только при использовании принудительного труда. В еще большей степени на это указывает существование храмового хозяйства, в орбите влияния которого находилась вся масса юридически свободных общинников. Все сказанное с неоспоримостью указывает на факт внеэкономического принуждения рядовой массы общинников выделившейся светской знатью и жречеством.

С другой стороны, то обстоятельство, что дворец и храм расположены рядом, в одном месте, может отражать известный этап в развитии иерархической структуры общества, когда светские и культовые функции персонифицируются в одном лице — вождя-жреца. Вместе с тем показательно, что среди массы выявленных погребений нет ни одного, которое бы выделялось способом захоронения, погребальным устройством, объемом и богатством заупокойных приношений. Точно так же, ни одно поселение этого времени ни по структуре, ни по размерам не может претендовать на роль городского центра, где концентрировалась бы политическая и социальная власть господствующего класса. Скорее всего, существовала общинная и, возможно, служившая знать, резиденция которой располагалась в дворцово-культовых центрах.

Письменность и наличие городских центров многие специалисты считают непременным условием сложения городских цивилизаций. Письменность в Бактрии этого периода неизвестна, что же касается городских центров, то уже сейчас имеются факты, рисующие общую линию зарождения и становления здесь городской жизни.

Несмотря на прогресс в развитии археологической науки в целом, все еще нет общепризнанной формулировки в определении древнего города. Существует мнение, что определяющим признаком является наличие оборонительных стен. Оборонительные стены теперь известны на таких древнейших памятниках, как например, Иерихон (VII—VI тысячелетия до н. э.), Хаджилар (VI—V тысячелетия до н. э.), геоксюрская группа (IV тысячелетие до н. э.) в Южном Туркменистане, так что некоторые специалисты поспешно возвели их в ранг городов. Однако укрепленные стены таких поселений призваны были оградить жителей от возможной внешней опасности, и в этом смысле они принципиально отличны от стен первых городов Древнего Востока. И, наоборот, в период становления городских центров не всегда такие памятники имеют внешние стены, но почти всегда внутри них располагаются отдельные строительные комплексы, зачастую монументаль-

ного характера, которые обносятся мощными обводными стенами.

Как кажется, в этом и заключается принципиальная разница подобных оградительных стен: в первом случае основная идея их заключается в стремлении оградить *всех*, а во втором — лишь *часть* жителей от возможной опасности. Налицо качественно новая, социальная направленность подобных оборонительных стен, призванных не столько оградить от внешней опасности, сколько от основной массы рядовых общинников, и в таком случае они являются ярчайшим свидетельством социальной дифференциации общества¹¹³.

Оценивая с таких позиций поселение Бактрии эпохи поздней бронзы, следует признать, что они демонстрируют второй, более сложный тип, характерный для общества с имущественной и, что главное, социальной дифференциацией, когда выделившаяся знать обитает в мощных крепостях, дворцах и храмах, за внешними стенами которых располагаются неукрепленные поселки рядовых общинников.

Таким образом, если суммировать наши знания о характере и социальной структуре древней Бактрии (по материалам Дашлинского оазиса), мы можем сделать несколько выводов. Бактрия этого времени переживала эпоху классового образования — бесспорно, уже обособилась прослойка лиц, профессионально занятая религиозно-идеологическими функциями; выделилась общинная и служившая знать, причем на первых порах еще нет четкого разграничения между ними; религиозные и светские функции могли совмещаться в одном лице, группе лиц. Менее ясен вопрос о конкретном характере военной функции. Судя по некоторым могилам, в погребальном инвентаре которых выделяются великолепно ретушированные кремневые наконечники стрел, а также по наличию боевых топоров и массивных копий, можно предполагать выделение военной дружины, однако вопрос этот требует дальнейшего уточнения на новом археологическом материале. Как бы то ни было, уже сейчас с большей долей вероятности можно предполагать широко известное троичное деление общества применительно к Бактрии эпохи поздней бронзы.

Совершенно очевидно, что становление цивилизации требует длительного периода, истоки которого уходят в недра первобытнообщинного строя. Напротив, оформление цивилизации — сравнительно более короткий процесс. Это положение можно проиллюстрировать на примере становления и оформления городской цивилиза-

¹¹³ Саруаниди В. И. Становление городской жизни в Южной Бактрии. — В кн.: Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 6—9.

ции Бактрии, на что потребовалось около тысячи лет.

Для доказательства обратимся к типам поселений восточнорасанской культуры, где, как известно, решительно преобладают памятники, организующим ядром которых являются многометровые кирпичные платформы с цитаделями. Можно предполагать, что такие цитадели являлись резиденцией местного правителя, вокруг которой располагалось неукрепленное поселение рядовых обитателей. Представляется, что крепости типа Дашлы-1 и цитадели типа Тилля-Тепе являются однопорядковыми памятниками (в смысле их социальной значимости), хотя и выраженными в разных конструктивно-фортификационных принципах, восходящих к разным традициям. И, видимо, не случайно памятники Бактрии начала I тысячелетия до н. э. демонстрируют соединение этих двух традиций.

В этом отношении показательно обширное по площади поселение Кумли, в северной части которого возвышается многометровая платформа-цитадель. Материальная культура памятника сочетается как традиции бактрийско-маргианского археологического комплекса, так, хотя и в меньшей степени, традиции восточно-хорасанской культуры. Можно отметить тот факт, что в эпоху поздней бронзы на смену мелким поселениям приходят крупные, где концентрируется практически все население бывшего оазиса (Фарукабад-1). Дальнейший процесс становления городских центров демонстрируют памятники Южной Бактрии второй четверти — середины I тысячелетия до н. э., как бы соединяющие в себе обе строительные традиции, нашедшие отражение в общем планировочном решении.

Для Дашлинского оазиса — это небольшой памятник Алтын-1, состоящий из четкого прямоугольника оборонительных стен, усиленных по углам и периметру округлыми башнями; в северном углу возвышается многометровая цитадель с остатками строений наверху. В высшей степени показательно, что внутренняя площадь между обводной стеной и заключенной внутри нее цитаделью не имеет никаких строений. Очевидно, что оборонительная стена в первую очередь была призвана оградить цитадель и ее обитателей от опасности извне, так что налицо сложение укрепленной цитадели или цитадели-крепости.

Вокруг крепости с цитаделью на многие сотни метров тянутся россыпи керамики, общая площадь которых во много раз превышает размеры самой крепости с цитаделью. Алтын-1, по-видимому, возник в доахеменидское время, но продолжал существовать и в ахеменидский период. Вокруг него располагаются синхронные памятники в виде небольших бугров с россыпью

керамики на прилегающих такырах. Хотя раскопки их не производились, судя по микро-рельефу, в массе своей это были неукрепленные поселения.

Принципиально тот же, но более сложный тип поселения отражает памятник Алтын-Диляр. Он расположен в северной части Фарукабадского оазиса, причем вокруг располагаются синхронные поселения, но по преимуществу без каких-либо оборонительных сооружений. Хотя этот памятник далеко превосходит по размерам Алтын-1 (последний по площади почти равен цитадели Диляр-Тепе), общая планировка их тождественна. Высокая цитадель Диляр-Тепе имеет собственную мощную оборонительную стену с выносными башнями; на небольшом расстоянии от нее кольцом тянется внешняя крепостная стена, также усиленная количеством боевых башен.

Известные материалы позволяют наметить общую линию сложения городов Бактрии в следующем виде. Так, приведенные наблюдения в совокупности дают основание отнести памятники эпохи поздней бронзы Бактрии к разряду поселений городского типа¹¹⁴, организующим ядром которых являлись небольшие крепости с тяготеющими к ним неукрепленными поселениями. Жители этих поселений продолжают вести преимущественно аграрное хозяйство, но уже ремесленное и металлическое производства выделяются в самостоятельную отрасль. Как кажется, именно аграрная направленность поселков городского типа объясняет тот факт, что в Бактрии они сравнительно невелики, но многочисленны, что, видимо, связано с необходимостью устраивать поля и пашни в непосредственной близости от домов и водных магистралей.

К сожалению, памятники ахеменидского времени здесь практически не раскапывались, однако даже визуальное обследование их указывает на сложение подлинных городов. О выделенном ремесленном производстве свидетельствуют поселения типа Алтын-3, где сложные по конструкции керамические горны, располагаясь рядом друг с другом, исчисляются десятками, так что продукция их бесспорно была рассчитана на торговлю, в том числе со степным населением. Важно отметить, что концентрация ремесленного производства отмечается не внутри крепостей-цитаделей, как Алтын-1 и Диляр-

¹¹⁴ В. М. Массон определяет эти памятники как принадлежащие урбанизированной культуре. (См.: Массон В. М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. — В кн.: Древний город Средней Азии, 1973, с. 4). Б. А. Литвинский называет их древнейшими городскими поселениями (Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля, с. 104—106). Налицо терминологическая разнобой в оценке дефиниций раннего города.

Тепе, а за пределами их внешних стен. Таким образом, бактрийский город ахеменидского времени состоит из крепости с цитаделью (место сосредоточения господствующего класса) и огромного неукрепленного поселения, где концентрируются ремесленники и торговцы.

В настоящее время общепризнанным считается определение города, сформулированное И. М. Дьяконовым, согласно которому городом является «населенный пункт, представляющий собой центр тяготеющей к нему сельскохозяйственной округи и одновременный центр специализированного (т. е. не чисто домашнего) ремесла и, соответственно, товарного и иного обмена, а также накоплений»¹¹⁵. Думается, что это определение приложимо и к Бактрии эпохи раннего железа. Характерными признаками первых городов Бактрии является непременное наличие цитадели на платформе, защищенной оборонительной стеной, иногда — двумя такими рядами стен.

Окружающая цитадель-крепость площадь (как правило, превосходящая ее во много раз) не имеет внешних обводных или оборонительных стен. Вместе с цитадель-крепостью и неукрепленное поселение составляют собственно город. Цитадель-крепость является средоточием административных институтов вплоть до царских. В неукрепленной части или во внешнем городе обитает основная масса горожан, преимущественно занятая еще в сельском хозяйстве. Здесь же располагаются кварталы гончаров, металлургов, кузнецов, лавки купцов. Хотя аграрная направленность городов очевидна и ремесло не занимает еще основного места, важно, что тенденция к его развитию становится теперь определяющей¹¹⁶.

Мы проследили общую линию развития от поселков городского типа к собственно городам Бактрии, так что закономерно встает вопрос — каким путем распространяется здесь городская жизнь? Применительно к Юго-Западной Азии обычно предполагаются две основные модели: 1) инвазия, приход нового населения с его собственными традициями, в том числе с новой градостроительной культурой¹¹⁷; 2) диффузия

урбанистических идей¹¹⁸. В последнее время выдвинута третья модель, или теория «центрального места», согласно которой существовали центры, контролировавшие определенные виды продукции, торговавшие ею с соседними, подчас более передовыми странами. Так, Тепе-Яхья контролировал добычу и экспорт стеатита, Шахри-Сохте — лазурита, Тали-Иблис — металлургическое производство. Вступая в торговые связи с соседними странами и в первую очередь с Месопотамией, они тем самым создавали экономическую базу для сложения и развития городов типа Тепе-Яхья, Шахри-Сохте, Тали-Иблис и др.¹¹⁹ Думается, что сложение городской жизни Бактрии отражает первый путь, когда появившиеся здесь иммигранты приносят с собой свои собственные навыки в устройстве различного рода поселений, и в частности поселков городского типа.

Как было показано выше, соединение двух таких традиций приводит в конечном счете к сложению города ахеменидского времени, классическим примером чего является город Алтын-Диляр.

В связи с затронутой темой необходимо кратко остановиться на истории сложения городской цивилизации юга Средней Азии и в первую очередь — Южного Туркменистана. В. М. Массон первый из исследователей выдвинул и обосновал идею сложения здесь в конце III — первой половины II тысячелетия до н. э. протогородской цивилизации¹²⁰, которую сейчас можно считать общепризнанной. Еще трудно конкретизировать основные социально-экономические параметры, присущие протогороду, так что, по мнению Б. А. Литвинского, пока возможна лишь постановка вопроса о наличии протогородских поселений вообще¹²¹, с чем как будто согласен и В. М. Массон, определяющий Алтын-Тепе как складывающийся (а не сложившийся! — В. С.) город¹²². Но независимо от уточнения качественного содержания термина «протогород» очевидно, что поселения такого типа (Алтын-Тепе, Улуг-Тепе, Намазга-Тепе) не имеют сельской округи и в свете вышепри-

¹¹⁵ Дьяконов И. М. Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э. — В кн.: Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э. Ереван, 1969, с. 12—13. Ср.: Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. — В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, с. 160—166.

¹¹⁶ Сайко Э. В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973, с. 17.

¹¹⁷ Ср.: Allchin R. and B. The Birth of Indian Civilization. Baltimore, 1968, p. 320; Gordon D. H. The Prehistoric Background of Indian Culture. Bombay, 1968, p. 36.

¹¹⁸ Wheeler M. The Indus Civilization. London, 1968, p. 23. Ср. также: Clarke D. L. Analytical Archaeology. London, 1968, p. 415—430.

¹¹⁹ Lamberg-Karlovsky C. C. Trade mechanisms in Indus-Mesopotamian interrelations. — «Journal of the American Oriental Society», 1972, N 92, p. 222—228; Lamberg-Karlovsky C. C. Urban Interaction on the Iranian Plateau: Excavations at Tepe-Jahja, 1967—1973. — «Proceeding of the British Academy», 1973, v. LIX, p. 17—21.

¹²⁰ Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3.

¹²¹ Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город, с. 103.

¹²² Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии, с. 10.

веденного определения города отражают своеобразный путь сложения городских центров¹²³.

Отличная картина наблюдается в середине — второй половине II тысячелетия до н. э., когда протогорода либо прекращают свое существование (Алтын-Тепе), либо резко уменьшаются в размерах (Намазга-Тепе), причины чего не установлены.

Если сопоставить с этим практически одновременное появление в Бактрии и Маргиане такого новшества, как поселения городского типа (небольшая подквадратная крепость и рядом — неукрепленное поселение), что не могло миновать большую часть будущей Парфии, то можно поставить вопрос об их взаимной связи. Кажется бесспорным, что тот или иной тип памятника определяется в конечном счете социально-экономическими факторами, которые могли распространяться здесь, подобно тому как это произошло в Маргиане.

В конце II — начале I тысячелетия до н. э. на крайнем юго-западе Туркмении, в Гиркании античных авторов, складывается другой тип по-

селений (Тангсикылджа, Изат-Кули, Мадау)¹²⁴, состоящий из цитадели на высокой кирпичной платформе, но без крепостных оборонительных стен, что справедливо было сопоставлено с памятниками типа Яз-Тепе и Кучук-Тепе¹²⁵, к которым можно теперь добавить Тилля-Тепе и Кумли в Северном Афганистане, а также Нади-Али и Мундигак-VII на юге страны.

Итак, только для древнего Туркменистана намечаются три типа или три модели сложения раннегородских центров (гирканский, парфянский и маргианский), что лишний раз подчеркивает всю сложность проблемы становления городской цивилизации в ее конкретно-историческом аспекте.

Маргиана входила в состав Бактрии, что четко прослеживается на примере сходного пути сложения городских центров. Страной тысячи городов называют Бактрию античные, греко-римские авторы, и это неудивительно, если учесть, что крепостцы, и городские поселения, и городки были во множестве разбросаны по ее территории и в самом деле производили впечатление сплошных городских оазисов.

¹²³ Вряд ли можно согласиться с мнением, что, подобно Хузистану, городские центры вокруг Иранского плато и в том числе Южной Туркмении складываются вследствие влияния городской жизни Месопотамии, да еще в столь раннее время, как первая половина III тысячелетия до н. э. (Ср.: *Lamberg-Karlovsky C. C. Urban Interaction...*, p. 17).

¹²⁴ *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении.— ТЮТАКЭ, 1956, т. VII.

¹²⁵ *Литвинский Б. А.* Древний среднеазиатский город, с. 104.